

ДЭЛИЯ МОР

ТЕНИ
МУДРЕЦОВ

Часть первая

18+

Дэлия Мор

Тени мудрецов. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39832331

SelfPub; 2019

Аннотация

От проблем невозможно спрятаться. Другой мир и чужое светило над головой, но духи Истинных за спиной прежние. Наилию и Дэлии снова угрожает опасность. Как сложится большая игра между "черными" и "белыми"? Получится ли победить, или мудрецы снова вмешаются в расклад? Обложка создана Ольгой Волковой aka Перекресточек с использованием изображений с сайта shutterstock.

Содержание

Тени мудрецов	5
Глава 1. Телепортация	5
Глава 2. Совещание	22
Глава 3. Высадка на планету	37
Глава 4. Эриданское гостеприимство	54
Глава 5. Церемония встречи гостей	71
Глава 6. Телохранитель Её Высочества	86
Глава 7. Городской рынок	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Цикл «Цзы'дариец. Наилий»

Охота на мудрецов

Охота на мудрецов. Неизданное

Игры мудрецов

Тени мудрецов. Часть 1

Тени мудрецов. Часть 2

Тени мудрецов

Глава 1. Телепортация

Быть пассажиром на космическом корабле – все равно, что незванным гостем, задержавшимся у хозяев так неприлично долго, что на него перестают обращать внимание. Экипаж живет в ритме дежурств, от подъема до отбоя следя за системами транспортника, а мы, словно паразиты, только спим, едим и слоняемся по жилому отсеку. Сами себе готовим в пищевых автоматах из дегидратированных полуфабрикатов, развлекаемся разговорами в общей комнате, сидя на диванах, и разглядываем космос в иллюминаторах. Чистоту поддерживают дроны-уборщики, порядок – военная дисциплина, а мелкие неисправности находят и устраняют ремонтные дроны. Первый день моему любопытству хватало просто наблюдать, а сейчас появилась куча вопросов. И задать их можно только тому, кто знает, почему рядовой Тиберий, по легенде во второй раз оказавшийся в космосе, не знает, где на транспортнике туалет.

– Капитан Назо, – сажусь рядом с Публием на диван и спрашиваю: – А долго нам еще лететь?

Военврач будто дремлет, расслабленно откинувшись на

спинку и прикрыв глаза. Кроме нашей группы из генерала пятой армии, полевого хирурга, снайпера, разведчика, главы службы безопасности и мудреца на тяжелом транспортнике летят три звезды разведки, семь экипажей боевых механоидов, офицеры, техники, инженеры и крупная группа ученых. В их разговорах звучит не Эридан со свадебной церемонией наследной принцессы, а другие планеты и проблемы.

– Скоро должны подойти к точке входа, – отзывается Публий, не открывая глаз. – Будет оповещение по громкой связи. Все пойдут к ячейкам готовиться к телепортации, а ты чтоб приклеился ко мне и ничего не делал без разрешения. По легенде ты инструктаж уже проходил, так что обойдемся краткими пояснениями.

Самую охраняемую из всех тайн цзы'дарийцев я знаю урывками. Наилий рассказывал о секретных установках на Дарии глубоко под землей, которые могут переместить любой объект в любую точку вселенной, наплевав на время и расстояние. Публий говорил, что технология до сих пор не отлажена, а потому телепортироваться с посторонними предметами в теле нельзя – могут сместиться и сильно навредить. Рэм давал подписывать документы о неразглашении самого факта телепортации, а в якобы прослушанном Тибереи инструктаже были рекомендации, как пережить процедуру с максимальным комфортом. Но я до сих пор не могла понять, куда и зачем мы летим прямо сейчас?

– Есть приклеиться и ничего не делать. А что такое точка

входа?

Военврач обводит сонным взглядом общую комнату. Напротив нас сидит, уткнувшись в планшет, майор Рэм. Связи с Сетью в космосе нет, но многие материалы можно читать и без неё. Рядом двое рядовых за столом играют в Шу-Арлит и пьют из пузатых пластиковых пакетов разведенный горячей водой ягодный морс. У стены спорят ученые, рисуя пальцами на металле одним им видимые схемы и графики. В пищевом автомате кто-то готовит суп из морепродуктов, и в постоянно фильтруемом воздухе жилого отсека на мгновение появляется аромат густого томатного бульона. Всем совершенно точно плевать на нас с Публием.

– Ладно, расскажу, – военврач нехотя поднимает голову с синтетической обивки дивана, напоминающей микрофибру. Хозяйки на Дарии протирают такими тряпками пыль. – Во-первых, понятно, что если есть установка, для которой не существуют расстояния, то странно вообще выводить на орбиту космические корабли, когда их можно переместить с космодрома Дарии на поверхность любой планеты. Возникнуть, как мираж в пустыне, и оттуда уже марш-броском выдвигаться к театру боевых действий. Быстро, дешево и эффективно. Но как же тайна телепортации? В наше время так можно одурачить только аборигенов диких планет, считающих свой мир плоской тарелкой, стоящей на спинах трех китов, плавающих в первозданном океане. А все развитые расы в галактике давно в курсе, что не одни во Вселенной. Вот и

приходится притворяться, что у нас, как у всех, есть космический флот, и мы им активно пользуемся. Десятки шпионских спутников гнарошей, дарлибов, легарцев вращаются на орбите Дарии и подглядывают, подслушивают, фотографируют. Стоит исчезнуть у них на глазах, и возникнет нездоровое и ненужное нам любопытство: «Как так получается?»

Разумно. Могла и сама догадаться. Имея цель докопаться до истины, любой шпион рано или поздно докопается. Технологию телепортации можно скопировать, и тогда цзыдарийцы не только потеряют звание самых мобильных наемников в галактике, но и рискуют дожидаться гостей с других планет в своей пустыне.

– А, во-вторых?

Капитан улыбается, расчесывая пальцами не по Инструкции длинные пряди на макушке.

– А, во-вторых, физики вычислили, что в определенных зонах в космосе телепортация требует меньших затрат энергии. Возле Дарии они стали точками входа, а по близости от других населенных планет – точками выхода. И не спрашивай почему, я не знаю. Уровня доступа к информации уже не хватает.

Закончив маленькую лекцию о телепортации, Публий встает с дивана и расправляет плечи. От нашего вынужденного безделья мышцы затекают, и весь будто покрываешься паутиной и плесенью. Тренировочного зала на транспортнике нет – роскошь. А в тесных коридорах и маленьких отсе-

ках, с вечно путающимися под ногами дронами, далеко не разбежишься. Я видела, как дежурные из экипажа украдкой отжимались, и представляла, как мучается Наилий. Он не тренировался только с сотрясением, во все остальные дни время находил, не смотря на сложный график.

Здесь на транспортнике мы почти не видимся. Слишком далеко генерал от рядового медицинской службы. Наилий живет в отдельном отсеке, днем пропадает на летной палубе, а я скучаю. Если бы не прошлое ночное дежурство и объятия посреди звезд – взвыла бы от тоски. Но при всех бойцах пятой армии из-под маски мудреца Медиума даже посмотреть не могу на любимого мужчину.

– Капитан Назо, разрешите еще вопрос.

Публий шутливо закатывает глаза, но кивает благосклонно. Знаю, что надоедаю расспросами, но не к Рэму же идти за ответами? Лысый стервятник постоянно делает вид, что меня не существует. А Труп встретил старого знакомого, и теперь его не вытащить со склада.

– Здесь всем нужно на разные планеты, как я поняла. Транспортник будет несколько раз телепортироваться?

– Да, в порядке срочности и важности. Первыми на Эридан высадимся мы, а транспортник полетит дальше. Когда соберемся обратно, нас заберет тот, что будет ближе. Маршруты составляют долго и тщательно, чтобы не гонять космические корабли полупустыми. Плановые рейды разведчиков, исследовательские экспедиции ждут полета на Дарии меся-

цами. А генерал может выставить своей операции высочайший приоритет и его погрузят на борт, даже если мест нет.

– Понял. Спасибо, капитан Назо.

Тоже встаю, чтобы размяться, а из динамиков раздается протяжный сигнал объявления по громкой связи.

– Внимание! – говорит строгий мужской голос. – Всем пассажирам и членам экипажа пройти в жилой отсек. Код один-один.

– Телепортация, – расшифровывает Публий. – Пойдем, но не беги быстро. Ляжешь в ячейку последним.

Объявление повторяют еще дважды, а потом включают не то сирену, не то звуковое напоминание из трех протяжных гудков. Нас с капитаном подхватывает поток цзы'дарийцев и засасывает в узкое жерло перехода между отсеками. Крепко прижимаю локти к телу и смотрю под ноги, чтобы не столкнуться с кем-нибудь, но военные даже в спешке внимательны и дисциплинированы. Будто по плацу маршируют на учениях, а не собираются расщепить свои тела на атомы и собрать их снова.

От последней мысли живот скучивает спазмом страха. Тело расщепляют, а сознание? Понятно, что потом все возвращается на место и не путается, но что будет с моими духами? Не успеваю спросить их об этом, поток выносит на металлическую лестницу к длинным ярусам спальных ячеек. Поднимаю голову, выглядывая из-за широких спин в черных комбинезонах, и давлюсь кашлем от удивления. Бездна, они

раздеваются! Четко, быстро и догола. Перед глазами мельтешат мужские тела, как камни на доске для игры в Шу-Ар-лит. Черные, еще одетые, и белые, уже голые. Бойцы переговариваются, смеясь, забрасывают одежду в открытые дверцы ячеек и, сверкнув ягодицами, ныряют внутрь, прокатываясь по роликам.

Смущаясь и отворачиваясь ото всех, не замечаю, как поднимаюсь на наш ярус и чуть не врезаюсь в Рэма. Майор уже босиком и в одной рубашке. Увидев меня, он усмехается и дергает за липучки.

– У тебя ненормально большие глаза, Тиберий. Яйца где-то прищемил?

Поперхнувшись ответной колкостью, намертво прилипаю взглядом к рисункам черной тушью на теле Рэма. Орнамент из тонких линий и широких лент начинается на шее, захватывает плечи и спускается по груди под резинку исподнего. Никогда прежде такого не видела.

– Зачем это? – спрашиваю, чуть было не ткнув пальцем в перекрестие линий на предплечье лысого стервятника.

– Ритуальные татуировки гнарошей, – вместо Рэма отвечает у меня за спиной Публий. – Здесь буквально написано, что перед тобой доблестный воин, и не стоит пытаться проверить это в поединке, иначе один из крупнейших кланов назовет тебя врагом. Высшая честь для представителя другой расы.

Гнароши тоже космические наемники. Синекожие и че-

тырехрукые исполины на две головы выше цзы'дарийцев. Что могло произойти, чтобы главе службы безопасности оказали честь? Я разглядывала его привязки вдоль и поперек, но никаких странностей не находила. А тут такой сложный рисунок с глубоким смыслом. Мне бы язык прикусить, но любопытство толкает под руку не хуже демонов:

– Они смываются?

– Нет, только срезаются вместе с кожей, – кривится Рэм и снимает исподнее, а я, не выдержав отворачиваюсь, утыкаясь носом в комбинезон Публия. На любимого мужчину долго стеснялась смотреть без одежды, а массовое раздевание перед телепортацией выше моих сил.

– Ты слишком остро реагируешь, – шипит военврач, – так нельзя.

– Нельзя было брать его сюда, – ворчит Рэм. – Ни опыта, ни подготовки, ни банального соображения, что можно делать, а что нет.

– Майор, разве не в ваших интересах помогать Тиберию справляться с легендой операции? Вместо того чтобы лишний раз провоцировать.

Публий говорит со старшим по званию очень жестко и одновременно дергает меня за плечи, разворачивая обратно. Знаю, что перегнула палку. Мужчины себя так не ведут даже в терме, где купаются одни женщины, но ничего не могу с собой сделать. Лицо под маской пылает жаром, и смотреть могу Рэму только в глаза. Вокруг щелкают замками дверцы

ячеек, и суета понемногу стихает. Не стоит вот так торчать у всех на виду, но стервятник не выпустит меня из когтей, пока не насладится триумфом.

– Руководит операцией капитан Вир, а я не обязан нянчиться с нилотами чужих генералов. Если мудрец не может справиться с эмоциями, то лучше вернуть его на Дарию. Подальше от позора на всю галактику. Я терпел этот фарс дома, но всему есть предел, капитан Назо. Нельзя решать важные политические вопросы с грелкой в постели, а другого применения выдающимся способностям Тиберия я не вижу.

Как бы не было обидно, а Рэм прав. Потому и Публий молчит, даже не пытаюсь защитить меня. Там, где каждое слово может стать решающим, не существует незаметных мелочей и простительных слабостей. А я дергаюсь, как девчонка, случайно открывшая дверь в мужской душ. Наилий доверяет мне и очень сильно рискует. Неужели сложно запомнить, что я теперь мужчина? Обращаться к Рэму по званию и перестать реагировать на его выпады хотя бы те несколько дней, что мы на Эридане?

– Виноват, майор Рэм, – опускаю взгляд и произношу как клятву: – больше такого не повторится.

– Посмотрим, – цедит он сквозь зубы и запрыгивает в ячейку.

Стою, будто сама раздетая и облитая чем-то липким и противным. Умеет Рэм макнуть с головой в дерьмо, но сейчас правда лучше проглотить и перетерпеть. Не докажу ни-

чего на словах, да и фокус с подселением вряд ли впечатлит майора. Я для него навсегда останусь генеральской подстилкой, хоть тройкой себя назову, хоть императрицей.

– Извини, нужно было предупредить тебя про раздевание, – шепчет Публий. – Предосторожности при телепортации максимальные. Все неорганическое должно быть как можно дальше от тела. Тебе тоже придется снять одежду, но давайждемся, пока останемся одни.

Молча киваю и слежу, как последние пассажиры готовятся к телепортации, а по лестнице к нам поднимаются Трур и капитан Вир. Разведчик ростом ниже Наилия, но умудряется смотреть на всех свысока. Широкий и круглый нос, пухлые губы, а глаза мелкие и глубоко посажены так, что взгляд Остия Вира кажется свирепым, даже когда он смеется. На меня он смотрит с подозрением и старается обходить стороной. Может, тоже не любит психов, как Рэм?

– Нас ждете? – спрашивает капитан Вир, открывая свою ячейку.

– Да, – Публий тянет меня за рукав, отступая от соседней дверцы. – Трур, готовься, я помогу.

Разглядываю номера на ячейках, пока мужчины раздеваются. Под штанинами комбинезона у Трура два протеза. Один до колена, другой до середины бедра. Черный металл тускло блестит под лампами жилого отсека, а сервоприводы работают бесшумно, но мне все равно иногда слышится скрип или шипение. Ноги снайпер потерял на Эридане, дол-

го потом служил старшим виликусом, а теперь снова летит туда.

– Обопрись на меня, – просит Публий, наклоняясь к протезам и надавливая на незаметные кнопки.

Металл отделяется от ровных культей ампутированных ног и Труп теряет опору, грузно повалившись на медика. Цепляется, как утопающий за спасателя, но все равно соскальзывает. Невыносимо видеть муку у него на лице. Жизнерадостный, сильный, бесконечно добрый Труп...и вот так.

– Подождите, помогу.

Остий бросается к ним, ныряя под руку снайпера. Вдвоем капитаны поднимают его к поручню ячейки и помогают забросить ноги внутрь.

– Спасибо, – говорит он оттуда, – а протезы?

– Я их положил в нижнюю свободную ячейку, – отвечает Публий. – Не вылезай без меня, хорошо?

– Хорошо, – бесцветным эхом звучит голос Трура и дверца опускается.

Вслед за ним в свою ячейку укладывается капитан Вир, а военврач начинает обещанный короткий инструктаж:

– Тиберий, когда все будут готовы, в каждую ячейку выпустят сонный газ. Он безвредный, не волнуйся. Постарайся лечь удобно и не дергайся. Перехода ты не почувствуешь. Заснешь здесь, проснешься в системе Эридана.

Вот только одна проснись или с духами? Может телепортация разбудить Кукловода? Не очнуться ли два других ду-

ха?

«Лех, Инсум, Юрао не молчите».

«Нам все равно, где физически окажется тело, – отвечает Лех, – будем рядом, госпожа. Все шестеро. Для нас тоже не существует расстояний, но доберемся до вас иным путем. Свой вы проделаете одна».

«Что именно случится, не скажете?»

«Нет. Наши секреты строже ваших, и наказание за болтливость существенней».

Значит, я останусь без стража сновидений. Скверно. После психиатрической клиники панически боюсь снотворного. Нет ничего хуже, чем смотреть кошмар и не просыпаться, потому что препарат не дает. Давно не нервничала так, как во время покушений на меня и Наилия, но все равно неудобно.

– А нельзя без снотворного? – с надеждой заглядываю в дымчатые глаза капитана Назо и вижу в них шок.

Медик зло и часто мотает головой.

– С ума сошел? Нет! В сознании я тебя через телепортацию не пропущу. Это не обсуждается!

Расстроено поджимаю губы и расстегиваю молнию комбинезона. Отсек пуст, но из двери в переборке вдруг появляется генерал.

– Тьер, – сквозь зубы ругается Публий, – я же просил...

– Может, что-то случилось?

– Как же.

Медик со вздохом отходит в сторону, стоит Наилию подняться по лестнице. Генерал хмур и сосредоточен, а я на-смотреться на него не могу. Соскучилась по льдисто-голубым глазам, веснушкам на носу. Поцеловала бы каждую, но нельзя сейчас. Рядовой Тиберий вытягивает спину перед хозяином пятого сектора и сдержанно приветствует:

– Ваше Превосходство.

– Волнуешься? – спрашивает он, вглядываясь в меня, словно выискивая тщательно скрываемые от него признаки смертельной болезни.

– Наилий, он спокоен, как транспортник на курсе, – теряет терпение Публий, – ты почему еще не в ячейке командного отсека? Время уходит.

Генерал не реагирует на сдавленное шипение капитана, а меня обволакивает тонкий аромат апельсина. Тяну носом фантомный запах с наслаждением. Так пахнет мой мужчина. Соскучилась до дрожи. Это хуже мук неразделенной любви – смотреть издали и не сметь сказать ни слова. Ходить мимо, не оборачиваясь, когда больше всего хочется просто обнять. Повиснуть на нем, чувствуя, как крепко держат сильные руки. Наилий, лучше бы я ждала тебя на планете. Хотя нет. Там бы извелась еще больше.

– Все нормально будет, – отчаянно стонет Публий, – чем его организм отличается от других? Ну, чем? Иди уже, Ваше Превосходство. Я напишу, как проснется. Подробно. Могу сфотографировать и показать, что все в порядке.

– Напиши, – тихо говорит Наилий и качается ко мне.

Закрываю глаза, губы горят, мечтая о поцелуе. Коснуться бы на мгновение. Нет. Нельзя.

– Я все равно рядом, – шепчет генерал, – не бойся.

Аромат апельсина исчезает и Наилий уходит, а под потолком отсека загорается красное табло с предупреждением.

– Несколько минут осталось, – ворчит Публий, – раздевайся.

Комбинезон снимаю быстро и прячу в нишу, а с рубашкой сложнее. Почти прижимаюсь грудью к ячейке, чтобы даже случайно не попасть в объектив камеры. Белье решаю не трогать вовсе. В ячейке как-нибудь сподоблюсь. Места мало, но и я – не крупный мужчина, плечами задевающий стенки. Подтягиваюсь на руках и прокатываюсь внутрь на роликах. Дверцу захлопывает Публий, и на транспортнике снова срабатывает сирена. Успеет ли сам? Яростно ворочаюсь в ячейке и понимаю, почему раздеваются догола снаружи. Будь проклята прижимистость конструкторов! Место они сэкономили. Ногой отталкиваю от себя белье и нервно вздыхаю. Сонный газ пахнет жасмином, и стенки ячейки начинают прыгать перед глазами за мгновение до падения в черноту.

Ангар. Старый и наспех сделанный. Проржавевшие опоры покрыты снаружи листьями. В каждую щель и дырку бьет яркий дневной свет.

– Уходи, – хрипло говорит Наиллий, а сам держит за плечо. У меня на руках младенец, туго замотанный в пеленку. Крутит головой и морищит нос. Еще не кричит громко, только недовольно хнычет. Может, мокрый или проголодался. Мы давно здесь. На лице Наилия черные мазки копоти, за спиной шатаются пьяные от усталости бойцы. Генерал приказал загородить ящиками дверь. Большие негде прятаться. Только здесь.

– Уходи, пожалуйста, – просит генерал, уткнувшись лбом мне в висок, – пока есть время. Я здесь сам.

Руки затекают от напряжения, боюсь выронить ребенка и прижимаю к груди все крепче и крепче. Некуда идти. За стенами ангара взрывы и выстрелы, земля вздрагивает под ногами.

– Уходи, – стонет Наиллий и толкает нас назад. Проваливаюсь спиной в темноту, как в потоку, и застреваю в ней. Бесконечно медленно пятно света с генералом внутри отдаляется от меня. Силуэт Наилия прямой, как посох, упрямый и негибачаемый. Дверь ангара вздрагивает от взрыва и проламывается внутрь. Ребенок кричит, перекрывая грохот, а я падаю.

Они ходят вокруг стаяей шакалов, загнавших раненого хищника. Ржут и тычут в нас пальцами. Боятся, иначе давно бы бросились зубами перегрызть глотку. Наиллий обнимает, пряча между нами младенца. Из ушей генерала

неровной дорожкой стекает темная кровь. Её запах вязнет на зубах, закатывается на корень языка. Я хочу сплюнуть густую слюну, но не могу пошевелиться.

– Вот и все, Наилий, – звенит высокий и чистый, как у ребенка, голос, а мне он напоминает крик ястреба. – Скажи что-нибудь.

Генерал не слышит, а я да. Булькающий смех, стук раскладывающихся треног станковых пулеметов, металлический лязг патронной ленты. На утопанной земле ангара воронки от пуль и острые зубы осколков. В наши сердца смотрят семь стволов пулеметов.

– Всегда побеждает сильнейший, все остальное чушь, – изгаляется и насмехается голос. – Где твои мудрецы? Где твоя армия? Скажи.

Генерал молчит, а я нет. От боли слова злые и короткие, но на каждое лишь новый взрыв смеха.

– Все моё навсегда останется моим, – звенит и ликует голос, – и эта планета тоже. У тебя еще остались возражения? Не слышу. Остались? Так скажи.

Наилий обнимает нас, низко наклонив голову. Я закрываю глаза и касаюсь губами щеки младенца. Привкус крови растворяет соль, а гогот десятка глоток заглушает шепот.

– Некому будет нарвать тебе эдельвейсов, любимая. Прости.

В полумраке ангара расцветает семь огненных цветков. На их нектар слетаются злые пчелы, жала наши тела.

Прошивая их насквозь. Кровь льется дождем на землю и последнее, что я слышу – взмах крыльев бабочки.

Под ноги больно смотреть. Наши тела не узнать. Навеки сииты вместе и растворились друг в друге. Их накрывают белой простыней, на которой мгновенно распускаются алые кляксы крови. Спине тяжело, что-то мешает и рук не поднять. Тянусь выше, а шакалы шарахаются. Скулят и воют от страха, закрывая лица руками, царапая глаза скрюченными пальцами. От меня на пол падает густая жирная тень. Делится на два лепестка и колышется в такт дыханию.

– Кто это? – нервно визжит совсем юный мальчишка и тычет в меня пальцем.

Оглядываюсь за спину и вижу хрупкие и тонкие полотна в налете сажки, как в пыльце. Мои крылья.

– Бабочка! – бьется в истерике боец. – Проклятая черная бабочка!

Я дергаюсь вверх, роняя хлопья сажки, бью волной воздуха наотмашь. Под потолком окно. Улечу, нужно только разбить стекло. Каждый взмах все слабее, тянусь из последних сил, а с земли ко мне поднимают стволы пулеметы. Не успеют. Поздно. Яркий свет ловит в объятия, выталкивая из сна звоном осколков.

Глава 2. Совещание

В полумраке капсулы пахнет кровью, к рукам прилипла сажа – не оттереть. Бьюсь в ячейке, как бабочка в стеклянной банке. Воздуха не хватает, легкие горят, а живот болит от судорожных вздохов. По вискам дорожки пота и на груди маленькая лужа. Ушел Инсум, оставил с кошмарами наедине.

«Тише, тише, я здесь».

В ячейке включается вытяжка, сквозняком отгоняя жар от тела, но легче не становится. Теперь меня бьет озноб. Растираю влагу по лицу и груди, чтобы испарилась быстрее. Прекрасно телепортировалась. Замечательно.

– Тиберий, – громко зовет Публий снаружи и стучит в дверцу, – ты проснулся?

– Да.

Зубы стучат и подробнее не ответить. Военврач просит подождать в ячейке, и я не возражаю. До галлюцинаций надышалась сонным газом, не зря так ненавижу снотворное. Подношу ладони к лицу и заставляю себя думать, что саж нет, крови нет, это просто сон. Бездна, но до чего же реальный!

«Инсум! – даже мысленно умудряюсь стонать. – Скажи, что это сон!»

«Меня не было рядом, я не знаю, сон или нет».

Мертвый император не жалеет меня и не врет, а так хотелось. Никогда не мечтала стать пророком именно поэтому. Увидеть будущее и жить каждый день, словно приговоренной к казни. Знать, что когда-нибудь вот так возьму на руки ребенка, меня обнимет любимый мужчина, и пулеметные очереди растерзают наши тела. Не хочу!

«Инсум, скажи, что я не могу предсказывать!»

«У тебя нет дара Поэтессы, но это не значит, что ты не могла увидеть один из вариантов».

Еще не легче. Будто специально добивает, проклятый. Дышу размеренно, пытаюсь отвлечься и успокоиться. За словом «вариант» вспоминается теория Избирателя и жизнь, как гусеница, ползущая по полю вариантов от точки к точке. Слепая и не очень умная гусеница, жующая все, что попадается на пути. Избиратель намекал, что можно не мириться с судьбой, а выбрать другую, но я не успела разобраться, распечатка осталась в багажном отсеке. Теперь открою теорию не раньше высадки на Эридан.

Публий снаружи торопит всех и разгоняет по отсекам. С громким стуком встают на металл лестницы протезы Трура, а я жду, пока не утихнут все звуки. Впереди еще день праздного шатания по транспортнику и спуск на планету. В иллюминаторах уже чужие звезды, крошечная капля летящей вдалеке кометы и темно-красная махина спутника. Из длинной справки с бесконечными цифрами характеристик я за-

помнила только то, что Эридан очень похож на Дарию. Тот же размер, та же удаленность от светила и климат чуть теплее и засушливей. А еще Трур рассказывал, что там правит король, и женщины выходят замуж.

– Тиберий, – зовет Публий. – Совещание у генерала. Присутствуют все.

Генерал собирает нас в собственном жилом отсеке. Он меньше любой комнаты в его особняке, но неправдоподобно велик для транспортника. Наилий приглашает всех садиться, а сам устраивается в изголовье кровати, подогнув под себя ноги. Рядом усаживаются Рэм и Публий, разведчик Виргонит Трура в угол на кресло, мне кивком показывает на стол и место заканчивается.

– Прошу прощения за тесноту, – говорит Наилий, – разговор не для общей комнаты. Садись на стол, Тиберий, не стесняйся. Остий, можешь начинать.

Маленький рост не дает разведчику возвышаться над нами даже, когда все сидят. В крошечной комнате мгновенно повисает пар от дыхания, и включается искусственная вентиляция. Я скукоживаюсь на столе, поджимая ноги, но все равно почти касаюсь капитана бедром. Нервничаем, кажется, только мы с ним, остальные расслаблены и спокойны.

– Ваше Превосходство, – нарочито ровно и спокойно начинает разведчик, – я вижу три выхода из ситуации с договором.

– Подожди, – перебивает Наилий и Остий резко захлопы-

вает рот, — начини с самого начала. Как мы вообще заключили договор.

Генерал сидит к разведчику боком и смотрит на Публия с Рэмом, отчего ощущение экзамена у нерадивого кадета только усиливается. Пренебрежения нет, но от холодного тона Наилия даже мне не по себе. Остий сглатывает слюну и через вздох возражает:

— Полагаю, все читали перед экспедицией мой рапорт и справку по Эридану, зачем повторяться?

— Затем, что капитан Назо здесь по медицинской части, майор Рэм со своей задачей справится, не вникая в политические тонкости, а я именно сейчас захотел услышать всю картину целиком. Рассказывай, капитан Вир.

Наилий выговаривает разведчику резко и зло, по-прежнему не поворачивая к нему головы. Я жду взрыва фантомного запаха апельсина, но его нет. Даже привкуса на языке. Играет генерал плохо сдерживаемое раздражение, и я пока не понимаю зачем. Остий сбивается с заготовленной речи, хмурится и беззвучно шевелит губами, а потом звучит еще более странный ответ:

— Со всем уважением, Ваше Превосходство, но я впервые так планирую операцию, что состав группы узнаю на космодроме перед вылетом. Допускаю, что случайных цзы'дарийцев здесь нет, и даже мудрец с засекреченной анкетой будет вносить вклад в общее дело, вот только я ничего общего не вижу. Разрешите спросить, каковы наши цели и задачи на

Эридане?

Рэм усмехается и складывает руки на груди, Трур давно рассматривает стыки на обшивке отсека, а Публий сонно клует носом. Понимаю негодование разведчика, есть у генерала дурная привычка молчать до последнего, а потом выдавать решения, как ведро холодной воды на голову выплескивать. Стоишь, обтекаешь и хлопаешь ресницами, не понимая, что делать. Мы давно привыкли, а Остий, кажется, в первый раз такое видит. Багровеет, сжав кулаки, и ждет ответ с нетерпением.

– Выражаясь метафорически, капитан Назо – полевой госпиталь, майор Рэм – радиолокационная станция, рядовой Трур – высокоточная крылатая ракета, а рядовой Тиберий – её ядерная боеголовка. А ты, капитан, карта местности со всеми условными обозначениями. Я услышу сегодня о состоянии дел на Эридане или нет?

– Так точно, Ваше Превосходство, – четко отвечает Остий, и меня распирает от любопытства.

Выходит, не только мы с Рэмом терпеть друг друга не можем. Интересно, кем нужно быть, чтобы перечить генералу, а потом стоять перед ним с высоко поднятой головой? Улыбаюсь, думая, как полезно иногда быть мудрецом, и ныряю в облако привязок. Дергается разведчик, смазывает картину, но толстенную привязку сюзерен-вассал я нахожу, и это не Наилий. К генералу тонкая, едва различимая ниточка. Бездна, ленюсь думать со своими способностями, только на при-

вязки полагаюсь. Наилий ведь рассказывал, что Эридан – зона ответственности другого легиона под командованием полковника Тулия Малха. Фактически все полковники подчиняются генералу, а на деле Его Превосходство редко вмешивается в их дела. И здесь остался бы в стороне, если бы не родий. После того, как договор разорвали, он отозвал полковника Малха, отдал приказ выводить войска и сам полетел в командировку. А Остий, значит, работал на планете в легионе Малха. Понятно, почему дергается. Неприятное поражение, а теперь еще и генерал жилы тянет. Наверняка теплится где-то в подсознании мысль, что Наилий крайних ищет, чтобы повесить на них ответственность. И это действительно экзамен, объяснительная и работа над ошибками одновременно.

– Планета названа по имени самого развитого народа, – начинает рассказывать капитан Вир. – Эридане доминируют на своей материке экономически, политически и культурно. Мощнейшая аграрная империя, до сих пор не вышедшая на галактический рынок только потому, что своего космического флота нет. Обширные плодородные земли, продвинутые технологии выращивания культур и феноменально продуктивное животноводство. Вся наука работает на сельское хозяйство, а собственной армии нет.

Ловлю каждое слово, замечая, что все прислушиваются. Любую длинную справку легко заменяет короткий пересказ. Быстро, просто и понятно.

– И не нужна была, пока на соседнем континенте не разразилась гражданская война, – продолжает разведчик. – Беженцы-лиенны хлынули через океан и поселились на побережье. Другая раса, язык, обычаи, уровень образования. Работать беженцы смогли только на самых низкооплачиваемых позициях, а семьи у них традиционно большие, детей кормить нечем. Раз нельзя заработать – значит, нужно ограбить. Когда набеги стали еженедельными, эридане заинтересовались наемниками и через дарлибов вышли на нас. Лиеннов быстро загнали в закрытые поселения и приспособили трудиться в шахтах на месторождениях полезных ископаемых, которыми эридане рассчитались за мир и порядок.

Эффектное и по-своему изящное решение. Все получили то, что хотели. Эридане – спокойствие, лиенны – гарантированный заработок, а цзы’дарийцы – родий. Но чем больше ешь, тем чаще заглядываешь в тарелку соседа. Зависть может быть и к целому народу. Остий заканчивает историческую справку, подбираясь к реальности:

– Такой порядок держался, пока лиенны не захотели своего государства. Вернее, пока Рагнар Одержимый его не захотел. Редкого ума и большого таланта лиенн.

Мне даже с боку видно, как вспыхивают глаза разведчика от искреннего восхищения. Неординарная должна быть личность. Правитель-двойка с харизмой равной или превосходящей харизмы цзы’дарийских генералов. С таким воевать настоящая мука.

– Рагнар откопал где-то Оларса Верного, старшего брата нынешнего короля, отрекшегося от престола двадцать три цикла назад. И этот Оларс заявил, что его заставили, он не хотел, а Таунд Честный на самом деле узурпатор. Вот тогда вместо набегов на приграничье и началась гражданская война уже в эриданском королевстве. Лиенны быстро сделали её партизанской, а мы с нашей тяжелой техникой все равно, что ракетами по комарам стреляли. Таунд заваливал нас претензиями и в итоге отправил делегацию к Рагнару с предложением мира. Обещал несколько северных областей с плодородными землями, признание королевства лиеннов во главе с Рагнаром и свою дочь в жены. Одержимый в качестве ответа прислал королю голову его старшего брата в мешке. А Таунд от радости заявил, что раз с лиеннами теперь мир, то наемники больше не нужны.

Выдыхаю, зажимая рот рукой. Наука, высокие технологии, а дипломаты отрезанные головы в мешках возят. Бездна, как же жалко принцессу. Еще когда Труп рассказывал про свадьбу, мне она дикостью показалась. Если можно заставить – это всегда сделают. Готова поклясться, что дочь короля не хотела жить с убийцей своего дяди и рожать ему детей. Но сочувствие эриданам перекрывает мысль о том, что цзы’дарийцы при таком положении действительно не нужны. Что собрался делать на планете Наилий? Как вернуть месторождение родия?

– И ты по-прежнему не знаешь, кто снабжал лиеннов ору-

жем? – спрашивает генерал, а Остий переступает с ноги на ногу, сбиваясь с речи второй раз за совещание.

Распускается долгожданная харизма облаком апельсина. Вступление кончилось, теперь генерал взялся за разведчика всерьез. Капитан Вир убирает руки за спину и, как сапер на минном поле, крадется от слова к слову:

– Мы проработали весь ближний круг Таунда, следили за Рагнаром, слушали всех, чьи контакты казались подозрительными, и пусто. Ваше Превосходство, лиенны забирали наше вооружение и амуницию в качестве трофеев, нет доказательств, что кто-то специально снабжал их.

Наилий давит харизмой, а капитан только выше задирает подбородок. Уверен в том, что говорит, и этим злит полководца еще сильнее. Неприятно признавать, что профессиональных наемников выгнали с планеты вчерашние шахтеры и чернорабочие, но дело не в гордости. Война – очень дорогое мероприятие. Кроме оружия нужен транспорт, провиант, связь и консультанты, если собственных полководцев нет. Партизанили лиенны грамотно, раз все цзы’дарийские военные не смогли их переловить. Согласна с Наилием, кто-то помогал. И ниточки привязок обязаны тянуться к свите короля. Подозреваю, что я здесь не только ради подселения духов, хоть генерал и не говорит об этом прямо.

– Теперь свитой короля займется майор Рэм, – распоряжается Наилий, и лысый стервятник коротко кивает:

– Есть, Ваше Превосходство.

Остий беззастенчиво кривится, не сразу справившись с нахлынувшими эмоциями. То, что не удалось ему, генерал поручает другому и ставит экстремально короткий срок. Даже гений с задачей не справится. Со стороны – глупость и пустая трата времени, если не знать о способностях мудрецов. Вместо гордости меня холодным потом прошибает от страха не увидеть у представителей иных рас ни одной привязки. Тогда мне на Эридане делать нечего.

– Как вы с полковником Малхом собирались заново заключать договор? – продолжает задавать вопросы Наилий.

Разведчик расслабляется и отвечает гораздо увереннее. Помню, что хотел с этого начать и думаю, что план операции давно готов, но до сих пор не утвержден генералом.

– Я вижу три варианта. Первый – обострение ситуации внутренними силами. Мы можем вмешаться в гражданскую войну лиеннов на другом континенте, спровоцировать гуманитарную катастрофу и помочь беженцам перебраться через океан к эриданам. Пять крупных городов в осаде и, как минимум, миллион новых беженцев.

– Да хоть два, – хмыкает Рэм, – Рагнар их проглотит и не заметит. Эридан с подаренных северных земель выгонит и расселит там своих лиеннов. Новые беженцы пойдут работать в шахты и прислуживать старым. С собственным государством у Рагнара хватит власти держать их под контролем.

– Рагнар хочет собрать в государство десятки мелких племен, и у каждого свой вождь, – возражает Остий. – Они дер-

жаться вместе, пока есть общая цель, а потом гарантированно перегрызутся.

– Не цель их держит, – говорит Наилий, – а Рагнар. Пристрелить его на свадьбе и всё мгновенно развалится, но нам это не поможет. Лиенны откатятся на старые позиции и будут долго зализывать раны. А без войны или хотя бы набегов мы договор не подпишем. Вариант с беженцами не плох, но это слишком долго. Родий мне нужен сейчас.

Разведчик разочарованно поджимает губы. Лучший вариант был? Самый реальный? Наилий даже детали слушать не захотел, сразу отказал.

– Второй вариант – внешнее вмешательство. Угроза из космоса. Тогда можно подписать договор орбитальной охраны и отдельно согласовать транспортировку руды без присутствия на планете. У гнарошей недалеко от Эридана база, можно попросить их пошуметь, а потом явиться спасателями.

– Что за база? – сдвигает брови Рэм.

– Герассу тридцать восемь.

Майор цокает языком и качает головой.

– Клан дождя. Только выгнали их из соседней системы и на поклон с просьбой?

– Когда это случилось? – хмурится Остий.

– Три дня назад. Сводки нужно читать, капитан.

Разведчик открывает рот, поднимая палец, но заговорить ему не дает генерал:

– После недавней стычки клан дождя из принципа выставит нам непомерную цену. Я и так потерял много. Переплатим гнарошам, и всех запасов родия на планете не хватит, чтобы окупить наше присутствие на Эридане. Нет, Остий. Еще идеи?

Разведчик выдыхает и трет пальцами виски. В ярком освещении генеральского отсека тени на лице капитана тонкие и черные, как на карандашном рисунке. Глубокие носогубные складки, искривленный в гримасе рот, три жирные черты морщин на лбу. Будто у художника тряслись руки, и он несколько раз обводил контуры, продавливая грифелем карандаша бумагу насквозь. Вытяжка сушит губы до болезненных трещин, сколько не облизывай. Разведчик смотрит на генерала с тоской и обреченностью в глазах. Последний вариант всегда – отступить и оставить все как есть. Родий можно добывать не только на Эридане.

– Можно предложить эриданам выйти на галактический рынок и охранять их торговые корабли, как мы делаем это для дарлибов, – едва слышно говорит Остий.

Рэм и Трур одновременно громко фыркают и отворачиваются, даже Публий отходит от сонного оцепенения.

– Я не спец по эриданам, но с дарлибами работать приходилось, – осторожно улыбается военврач. – Они скорее подарят нам родий бесплатно, чем выпустят еще одного конкурента на рынок, хотя идея лично мне нравится минимумом жертв со всех сторон.

– Мне тоже нравится, – пожимает плечами Наилий, – превосходная мысль, построй эридане свой космический флот. Фрахтовать корабли у дарлибов – верный путь к разорению. Таунд деньги считать умеет и бумаги с жадными карликами подпишет, только если сойдет с ума. Поэтому нет, Остий, с дарлибами мы связываться не будем.

Капитан высыхает, как лепесток цветка, зажатый между страницами книги. Устало опускает плечи и смотрит в пол. Даже я знаю, как долго тянется конфликт с эриданами и могу представить, сколько сил отдал разведчик. Высосал себя до суха, но так и остался в этом тупике. И все вокруг спокойны. Не заламывают рук, не причитают и не спрашивают, что делать. Логично, что если генерал все отверг, то должен предложить своё.

– Я не просто так привез сюда мудреца, – начинает Наилий. – Медиум работает с духами, способен с их помощью взять под контроль любого цзы’дарийца и заставить сделать то, что ему нужно.

Втягиваю голову в плечи под тремя пристальными взглядами. Один ледяной у лысого стервятника и два прожигающих насквозь. Не удивлюсь, если сейчас пустого пространства вокруг меня станет больше. Это все равно, что встать посреди переполненного зрительного зала и объявить себя демоном. Крики, панику и беготню с лихвой заменяет тяжелое молчание, от которого по позвоночнику прокатывается капля пота. «Взять под контроль любого» звучит слишком

смело. Фокус удался мне дважды и в третьей попытке я не уверена, но теперь Трур, Остий и Рэм будут поглядывать на меня с опаской, каждый раз проходя мимо. Словно я дикий зверь, гуляющий по транспортнику без поводка и намордника.

– Понимаю, о чем все сейчас подумали, – продолжает Наилий. – Нет, я не стану решать проблему в лоб, и заставлять Таунда подписывать новый договор. Любое нелогичное и бессмысленное действие разумом рано или поздно отвергается. Таунд прозреет и снова расторгнет договор. Не держать же возле него Медиума постоянно. Мы сыграем тоньше. И для этого мне нужны все присутствующие здесь. Рэм свою задачу знает. Трур, ты поступаешь в его распоряжение и вместо снайперской винтовки возьмешь в руки спецоборудование. Пометим, как птиц в питомнике всех, кто нам интересен, и будем следить.

– Есть, – откликается Трур и Остий снова поджимает губы.

Знаю, что они тоже следили, но сейчас цель и подход иные.

– Тиберий, – Наилий оборачивается ко мне, впиваясь жестким и колючим взглядом, – сколько тебе нужно подопытных для тренировок?

Вздрагиваю, представив тесные клетки с перепуганными цзы'дарийцами, лиеннами и эриданами. Вижу себя в белом халате и медицинской маске. Хищно скалясь, протягиваю к

ним руку через прутья решетки, а они прячутся в угол и жалобно скулят. Подопытные – ужасное слово.

– Хватит двоих, – пересохший язык не сразу слушается и смазывает первые звуки, – одного лиенна и одного эридани-на. Мне достаточно постоять рядом и потрогать за руку, не нужно никого похищать.

– Значит, двое, – сухо кивает генерал, – с Рэмом решите остальное. Остий, ты так же поступаешь в распоряжение майора и по-прежнему занимаешься всеми официальными контактами. Есть ко мне вопросы?

– Никак нет, Ваше Превосходство, – дружно отзываются присутствующие и словно по команде встают с мест.

Умолчал генерал, что конкретно придумал. Зыбко все, как рисунок прутон на глади воды. Реальное и возможное перепробовали, пришло время надеяться на чудо. Бездна, как же не хочется быть тем самым чудом.

– Все свободны, – отпускает офицеров генерал. – Тиберий, задержись.

Глава 3. Высадка на планету

Шаги офицеров затихают в коридоре военного транспорта. В пустом и притихшем генеральском отсеке остаемся мы с Наилием.

– Садись рядом, – просит он, похлопывая ладонью по кровати. – Замок закрывается автоматически, снаружи никто не зайдет.

И не увидит, как мудрец Тиберий снимает маску и превращается в мертвую любовницу генерала. Сбритые когда-то волосы медленно отрастают. Чем длиннее, тем мягче и приятнее на ощупь. Никак не избавлюсь от привычки приглаживать их, и заправлять за уши уже несуществующие пряди. Еще сложнее принять, что любимый мужчина большую часть времени – суровый полководец, и такие глобальные проблемы часть его жизни. Не вытерплю молчаливую паузу до конца, начну первой:

– А если у меня не получится?

Наилий спускает ноги с кровати и тянет меня на колени. Обнимает крепко и целует в шею над воротником форменной рубашки.

– Родная, у меня всегда несколько вариантов, не считая обходных и запасных маневров. Я ни за что не оставлю тебя одну против всего Эридана. Не получится с духами – сделаю

так, как всегда делал. Не получится совсем – найду родий в другом месте.

Понимаю, что утешает и в груди разливается неприятный холод. Всю жизнь от меня не было никакой пользы. Ребенком путалась у взрослых под ногами, в клинике слонялась от стены до стены или пропадала в книгах. С фиктивной смерти копалась в себе и даже анкету не доделала, а мудрецов и вовсе сбросила на Флавия. Впервые появился шанс сделать что-то значимое, а я трясусь от ужаса и цепляюсь за Наилия.

Знаю, что никогда ни в чем не обвинит. Победа принадлежит всей армии, а в поражении виноват один генерал. Он отстранил Тулия Малха от командования, он отдал приказ вывести войска с Эридана, он притащил мудреца на планету и собрался пустить в ход оружие, о котором почти ничего неизвестно. Наилий под чудовищным грузом ответственности держит спину прямо и всегда знает, что делать. И во сне перед расстрелом держался с тем же достоинством, а у меня голос дрожит, когда прошу:

– Расскажи хоть один вариант, пожалуйста.

Он едва слышно вздыхает, поглаживая меня по бедру.

– По договору мы охраняли дворец, королевские службы, держали несколько гарнизонов в приграничных городах и полностью контролировали добычу в шахтах. Не только родия, но и других полезных ископаемых. Я надеюсь, эридане до сих пор не знают, насколько нам важен именно родий, мы маскировались, выкупая все подряд. Взамен фактически со-

здали им промышленность. Оборудование, инфраструктура, специалисты – все наше.

Близость тела генерала и его ласка сбивают с мыслей, хоть и гладит он меня отстраненно, задумчиво. Аккуратно беру за запястье и убираю руку с бедра, а полководец, не обратив внимания, продолжает.

– Мелкие набегі на приграничье выгодны, но не гражданская война между сторонниками Таунда и его старшего брата Оларса с участием лиеннов. Кто-то мастерски разжег конфликт и довел его до разрыва отношений. Остий прав, они носом рыли землю, чуть ли не в рот к каждому вельможе Таунда заглядывали. Нашли пару сторонников Оларса, но их связь с лиеннами доказать не смогли. Выходит, эриданская знать не причастна, а так не бывает.

Давно все пережил и передумал, сейчас сухо докладывает, хотя я помню, как чуть не срывался еще неделю назад, обсуждая Эридан по телефону. Лукавит генерал, что проиграв – отступится. Бросить целую промышленность не так легко, как вывести войска.

– Или Остий мне врет, – с оттенком усталости говорит Наилий, – или кто-то вмешался извне. Дарлибам выгодней не выпустить конкурента на рынок, чем потом бороться с ним. Эридане сейчас близки к тому, чтобы замкнуться в себе и закрыть космические программы. Там мы им тоже помогали. Если я найду связь дарлибов с придворными Таунда или с лиеннами, то смогу давить уже на карликов. Договорюсь с

кукловодами, а они потом сами дернут своих марионеток за ниточки, и договор подпишется мгновенно.

Дергаюсь на «кукловода» и заставляю себя не думать еще и об этой проблеме. Пусть встает в очередь по степени значимости.

– Я постараюсь разглядеть все привязки и нарисовать тебе схему, – тихо обещаю Наилию.

– Постарайся не заикливаться на этом, – генерал гладит меня по щеке и приподнимает за подбородок, заглядывая в глаза. – И не хватайся за все подряд. Здесь Рэм, Остий и я. Допросы и переговоры – наша профессия. Привыкай к новому миру, тренируйся и отдыхай. Мы на свадьбу прилетели, это – праздник.

Для гостей, конечно, но вряд ли для наследной принцессы, которую отец отдает убийце. А если он заберет её к себе, как меня, Наилий в особняк? Одну в чужую страну с непонятными обычаями вроде отрезанной головы в мешке вместо дипломатической ноты.

– Мне кажется, у тебя биопереводчик неисправен, – хмурится Наилий. – Я успокаиваю, а ты пугаешься все больше и больше. Что-то случилось, о чем я не знаю?

Должна поговорить с ним о проснувшихся способностях мудреца, извлеченном барьере и возможной беременности, Кукловоде, еще двух сонных духах, но перед глазами стволы пулеметов и крик ребенка в ушах.

– Мне кошмар приснился про нас с тобой.

Рассказываю про ангар, голос Друза и расстрел. Сон короткий, в пересказе звучит бредово и не так жутко, но генерал застывает и смотрит мимо меня в стену отсека.

– Это предсказание?

– Я не знаю, – шепчу, положив голову ему на плечо и сворачиваясь клубком на коленях, – дух сказал один из вариантов. Может сбыться, а может, нет.

Холод обнимает, пробираясь дрожью сквозь плотную ткань комбинезона. Тепло только на груди Наилия. Там, где бьется сердце.

– Я ведь не дура, – всхлипываю, прижимаясь сильнее, – понимаю, что если начнется война. Та самая, предсказанная Создателем. Если вы с Друзом окажетесь по разные стороны, то он, победив, ни за что не оставит тебя в живых. И меня заодно...

– И всех моих детей, – эхом подхватывает Наилий. – Логично и очень верно. Сын может захотеть отомстить за отца, а реванши Друзу не нужны. Поддержит армия – будет еще одна война. Не поддержит – черед покушений. Объявив себя императором, Агриппа уничтожит всех несогласных вместе с семьями. Иначе ему на вершине не удержаться.

Лучше мне не слышать, закрыть глаза, заклеить рот и никогда больше не спрашивать. Знаю, что живу с генералом, но как же невыносимо об этом думать. Наилий целует в висок и гладит по голове. Легко и нежно, едва касаясь подушечками пальцев.

– Родная, я не умру от старости, обнимая внуков и правнуков. Меня обязательно убьют, если не в поединке за звание, так на войне. Скоро будет тридцать циклов, как я принял это и смирился. Но тебя я спрячу, когда придет время. И всех, кто мне дорог. Никто не причинит вам вреда. Поверь мне, пожалуйста, и забудь о кошмарах.

Эхом в голове: «когда придет время, когда придет время, когда придет...». Не могу даже представить его в саркофаге. Угасшего и застывшего. Мертвое тело, как мрамор, холодное и твердое. Сколько не грей дыханием и не обжигай слезами – не отзовется. А потом пламя заберет у меня даже это.

– Не хочу, – мотаю головой и прикусываю согнутый палец до острой боли.

– Забудь, – просит Наилий, не давая вырваться, – забудь, слышишь? Не будет расстрела, ангара и войны. Бездна, да что я говорю? Не то, не так и не правильно. Больше всего хочу, чтобы ты перестала меня бояться и сам же загоняю в ловушку ужаса.

Генерал разогревается от всплеска адреналина. Отпускает меня и прячет руки за спину, переживая дрожь. Отсек кажется еще меньше чем был, даже стены теперь давят. Зря я завела этот разговор. Сама издергалась и его накрутила.

– Наилий, – зову, обнимая за плечи и прижимаясь лбом, – не будет больше кошмаров...

– Прости, – шепчет полководец, – я знаю, со мной тяжело. Не важно, когда придет время, я хочу любить тебя столько,

сколько мне осталось.

– И я буду любить.

Каждым ударом сердца, вдохом и выдохом, пока планеты вращаются вокруг звезд.

Разглядываю в иллюминаторе Эридан. Он стыдливо прикрывает облаками глубокие синие моря и выпуклые полуострова у континента. Мы на орбите и вот-вот должны выйти на расчетную точку для посадки. Теперь куда не глянь – везде Эридан. Городов с высоты не разглядеть, но крупные реки и высокие горы вполне. Ландшафт будто высек искусный мастер и ни разу не повторился в узоре. Любуюсь каждой складочкой и морщинкой, не замечая, как со спины подходит Остий.

– Красиво, правда?

От неожиданности чуть не взвизгиваю, выдавая в себе женщину. До чего же тихо крадется разведчик, словно не в военных ботинках по металлическому полу, а в мягких тапочках по паркету. Профессиональное, не иначе.

– Очень, капитан Вир.

Таблеток для хрипоты не пью, здесь незачем. Никто не узнает во мне Мотылька, а юному Тиберию позволителен высокий голос.

– Первый раз в космосе?

– Второй, капитан Вир.

Остий морщится, будто я неправильно отвечаю, и подходит ближе. Круглолицый, розовощекий и курносый, как младенец. Он казался бы милым и добродушным, если бы не тяжелый взгляд из-под бровей. Меня так оборудование мед-капсулы насквозь не просвечивало, доставая до самых губин.

– Не нужно официоза, – разведчик понижает голос и улыбается, а мне уже хочется прижаться спиной к иллюминатору, – группа маленькая, почти все офицеры, не стоит удлинять диалог обращениями. Можешь звать меня просто Остий.

Не пряталась бы в мужской одежде – решила, что капитан со мной заигрывает, не очень этого стесняясь. Сначала давай обойдемся без обращений, а потом расскажи, что задумал генерал. Когда я вышла из отсека Наилия, мне показалось, что за поворотом мелькнул и исчез рукав форменного комбинезона. И так же тихо было, словно тень скользила над полом.

Генерал не церемонился с ним на совещании. Потребовал доклада, плана действий, все отверг, а после передал руководство операцией Рэму, навесив на уши еще и снайпера с мудрецом. Самолюбие разведчика билось в конвульсиях и логично, что он искал на ком отыграться. Рядовой с пустой анкетой и мутными способностями подсеять духов подходил на эту роль как нельзя лучше. Расположить к се-

бе, выпросить детали знакомства с генералом, о чем говорили в отсеке, а потом продуманно и технично подставить под провал на операции. Посмотрите на кого вы поставили, Ваше Превосходство. Может, пора профессионалу заняться делом?

– Я робею, капитан Вир. Не привык обращаться по имени к офицерам.

– Глуposti, – еще шире улыбается разведчик. – Одно дело делаем. Я здесь суммарно десять циклов пробыл, мне как ножом по сердцу разрыв договора. Ты сам слышал, я все перебрал и не то. Генерал прав, пришло время нестандартных решений и секретных разработок. Если тебе нужны подопытные цзы’дарийцы, я готов.

Везет мне на смелых капитанов. Сначала Публий просил убрать привязку, теперь Остий добровольно сдает тело для опытов. Тоже ведь не знает, какого это на самом деле. Ныряю в него и ничего ко мне не вижу. Еще бы. Привязки появляются от ярких эмоциональных всплесков, а разведчик привык думать головой. Плевал он на рядового Тиберия, интерес запланирован и тщательно рассчитан.

– Не получится, капитан Вир, нужна... – чуть не выпаливаю ему один из главных секретов, но вовремя проглатываю последнее слово. Теперь нужно срочно найти безопасную замену. Вон как горят глаза разведчика, впился клыками в добычу и просто так не отпустит.

– Предрасположенность, – с запинкой выдаю я и сочиняю

на ходу: — духи своенравны, не все им нравятся.

— Чем же я плох? — по-мальчишечьи дует губы Остий, а мне иллюминатор больно впивается в спину. Отступить больше некуда.

— Духи говорят со мной, когда пожелают, — отчаянно кошу под психа, расфокусировав взгляд и оттопырив нижнюю губу. Можно еще слюну пустить, но это слишком. — Там в безграничной высоте мира за барьером они, как кометы, яркие и шумные. Проскальзывают мимо, чуть задев хвостом, и шепчут мне, называя имя. Вашего не слышу.

Кажется, перестаралась. Остий хмурится и отодвигается от меня. Такой обескураженный, что удержаться невозможно. Растягиваю губы в дебильной улыбке. Младшие курсы. Семь циклов. Детская выходка.

— Хорошо, если услышишь, скажи, — бормочет разведчик и кивает на прощание.

За порыв стыдно, но чем меньше цзы'дарийцев знает, как я работаю, тем лучше.

По громкой связи объявляют выход на орбиту и транспортник оживает. Учащенным пульсом стучат военные ботинки, кровеносная система коридоров заполняется коктейлем из экипажа, пассажиров и воодушевленно попискивающих дронов. Лавирую в потоке, протискиваясь на нижние палубы к грузовым отсекам. Здесь со стен будто содрали внешнюю обшивку, обнажив ребра жесткости корпуса и коммуникации корабля. Толстые кабели и гибкие трубы опоясы-

вают стены, свиваются в узлы и расходятся в разные стороны. Потолки в коридорах настолько низкие, что приходится наклоняться. Наконец, преодолев полосу препятствий, догоняю нашу группу у входа в грузовой трюм.

– Тиберий, – окликает Публий, – опаздываешь, рядовой. Форма одежды походная маскировочная, нашивки снимай.

Офицеров теперь не отличить друг от друга. Погон нет, эмблем разведки, пехоты и медицинской службы тоже. Только у Наилия на белом воротнике поблескивает золотая кайма. Генеральская рубашка. Уловка, придуманная когда-то, чтобы вражеские снайперы не находили его в толпе одинаково одетых военных слишком легко, а свои знали, что перед ними генерал. Спешно срываю нашивки и прячу в карманы.

– На погрузку десять минут, – командует Наилий.

Здесь легенда о моих мнимых болезнях не поможет. Офицерам по статусу не положено таскать ящики с оборудованием, поэтому грузимся мы вдвоем с Труром. Безликие черные кейсы помечены глифами и цифрами. Их нам шустро выставляют на ленту транспортера двое складских работников, успевая пропикать сканерами надписи. Учет, контроль и порядок. Хвала несуществующим богам, это не полевой госпиталь! Кейсы легкие, забрасываются в багажное отделение капсулы играючи. Лишь один неожиданно оттягивает руки, но Трур заметив, как я чуть не роняю его на пол, тут же забирает.

– Этот последний, садись в кресло и пристегивайся.

Взлет в десантной капсуле я пережила и с посадкой справлюсь. Всего-то пять минут трехкратных перегрузок, и я на месте.

– Садимся лихо, – говорит Остий, – прямо во внутренний двор королевского дворца. В последней дипломатической ноте нас крайне вежливо попросили не покидать его пределов во избежание обострения ситуации с лиеннами.

– Да хоть в покои Таунда, – отзывается генерал, – мы на этой свадьбе такие же гости, как свита Рагнара. Потерпят. Герметизируемся.

Хватаюсь за ручки на кресле и смотрю, как медленно поднимаются лепестки капсулы, отсекая нас от грузового трюма транспортника. Последние глотки родного воздуха забираем с собой. Дальше только другой мир, чужая речь и незнакомые звезды над головой. Индикатор моргает трижды и я, задержав дыхание, падаю вниз.

Перегрузка вжимает в кресло, наплевав на все системы компенсации. Я такая тяжелая, что не хочу шевелиться. Сквозь шум в ушах не пробивается даже тревожный писк таймера. За несколько мгновений до касания земли капсула выравнивается вертикально и бьет по ногам. Можно вздохнуть свободно, но недолго. Створки падают на землю, Эридан встречает горячим влажным воздухом и далеким криком птиц. Сквозь закрытые веки чувствуется яркий свет, и в нос бьет густой, настоящий не один день, аромат трав и цветов. Как у нас на юге. Только светило другое, и мы здесь чужаки.

Впереди до прозрачной синевы неба тянутся стены и башни королевского дворца. Нежно-кремовый камень изрезан скульпторами до причудливых барельефов, а купола башен защищают их от палящих лучей, как бирюзовые зонтики. Лес обступает площадку для посадки со всех сторон. Зелень сочная, яркая и по-своему нахальная. Лезет прямо к капсуле, качая гигантскими листьями. Цветы алыми и пурпурными брызгами пробиваются, как сорняки сквозь бетонные плиты. Или это не бетон, а тоже камень?

– Выгружаемся, – командует Наилий, первым ступая на эриданскую землю.

От жары в рубашке и черном комбинезоне можно свариться. После второго ящика, поставленного на плиты, у меня кружится голова.

– Тиберий? – глухо зовет Публий и трогает за плечо. – Тебе плохо? Сядь, мы дальше сами.

Военврач заставляет меня усесться на ящик и ныряет в багажный отсек капсулы за кейсами. Слабый рядовой Тиберий, не тренированный. Смотрю, как мужчины играючи разгружают капсулу и завидую. Будь я чуть крепче, не ловила бы сейчас на себе взволнованный взгляд Наилия и заинтересованный Остия. Оскорбляю своей немощью всех нилотов Марка Сципиона Мора. Не отстанет разведчик, пока не докопается до истины или более правдоподобной версии.

От ворот дворца к нам не спеша и в развалку идут местные. Рукава на светлых рубашках короткие, вместо штанов

легкие шорты и на ногах обувь, чем-то напоминающая домашнюю. Ходить в ней гораздо легче, чем в тяжелых военных ботинках. В справке писали, что кожа у эридан темная, но я не ожидала, что настолько. Она почти черная, как и короткие курчавые волосы. Ростом местные выше любого цзы'дарийца на голову и шире в плечах. Все чем-то похожи друг на друга полными губами и плоскими широкими носами с выразительно раздувающимися ноздрями.

– Багаж к досмотру, – зло приказывает один из них, положив руки на ремень с кобурой для пистолета. Спустя мгновение до меня доходит мысль, что поняла я его так, будто говорил он по-цзы'дарийски. Работает биопереводчик.

– Долгих лет и процветания, нэллы, – вежливо отвечает Остий и выходит вперед. – Мы здесь по приглашению Её Высочества. Багаж подробно задекларирован и нужды в досмотре нет. Разве вы не получили...

– Заткнись, белый сброд, – грубит эриданин и смачно сплевывает под ноги разведчику, чудом не попав на ботинки. – Твой трусливый зад после пинка должен лететь домой, а ты здесь торчишь, как чирий на ляжке. Подотришь своей декларацией, я сказал багаж к досмотру!

По движению губ понимаю, что произносит другие звуки, но я слышу слова родного языка. Бактерии лихо заменяют местные грубости на понятные мне. Мужчины напрягаются, вытягивая спины. На поясах пусто, оружие офицеры сдали еще при посадке на транспортник, а эридане вооружены пи-

столетами и ножами. Знаю, что в кейсах не подарки наследной принцессе. Боюсь, что агрессивно настроенные местные просто отнимут все наше оборудование, и операция провалится, не начавшись.

– Нэллы, при всем уважении к воле Его Величества и условиям расторжения договора, мы здесь не как наемники, а как гости принцессы Имари, – Остий продолжает говорить вежливо, хотя мне казалось, что оскорблений стерпеть не должен.

Биопереводчик второй раз игнорирует обращение, значит, часть слов я тоже буду слышать и произносить по-эридански. Разведчик еще раз напоминает, что груз согласован, и досмотра не будет. Местных четверо против нас шести. Эридан ожидаемо злит отказ. Я вижу, как идет волна возмущения от вспышки ярости в глазах по плотно сжатым губам до рук, вздрогнувших за мгновение до того, как местные хватаются за оружие. С громкими щелчками с пистолетов снимаются предохранители, и стволы упираются в головы Остия, Наилия, Рэма и Трура. Тот, что требовал досмотра, кричит, брызгая на разведчика слюной и шлепая толстыми губами:

– Сикин тамбо! Еще одно слово и ты будешь пить мою мочу! Открывай ящики!

– Не стоит, – спокойно отвечает генерал и эриданин над ним нервно перебирает пальцами на рукояти пистолета. Разница в росте будто исчезает. Наилий не поднимает головы,

а местный опускает плечи и отшатывается назад. Я не вижу из-за спины генерала, что происходит, но он сам объясняет:

– Это бластер. Маленький, карманный и незаметный. Стреляю я быстрее, чем ты, поэтому подумай, стоят ли твоей жизни десяток ящиков с едой, одеждой и спальниками. Этикет не запрещает мне прийти на свадьбу с оружием, и оно подробно перечислено в декларации. Ничего сверх этого при нас нет. Будем дальше впустую тратить время или я войду во дворец?

Эридане дергаются и переглядываются. Только сейчас замечая, как неуверенно держат оружие, как ярость быстро сменяется страхом, а тот, кому Наилий угрожает бластером, слишком уж внимательно смотрит ему на шею. Туда, где по воротнику рубашки золотится узкая кайма.

– Ренадэ, их без погон не различить, – тихо и как-то вяло говорит он. – Тут генерал.

Остальные переминаются с ноги на ногу и переглядываются так активно, что замешательство можно разглядеть и без специалиста по другим расам. Приняли нас за самовольно вернувшихся бойцов пятой армии? Может быть. Не могла охрана дворца не знать о персональном приглашении генерала на свадьбу. Теперь им лицо терять не хочется, но и просить прощения они не собираются. Эридане просто убивают пистолеты и шагают назад.

– За мной, – кивает Наилий, обернувшись к нам.

Теперь я вижу крошечный бластер чуть меньше ладони,

который он прячет обратно в карман. Мы с Труром берем два ящика и шагаем вслед за Публий и Рэмом. Разведчик остается следить за багажом и десантной капсулой. Крайне неприятная встреча. Читала в отчете капитана Вира про ненависть к нам со стороны эридан и лиеннов (первых не защитили, вторых убивали), но не думала, что все настолько серьезно. Или здесь принципиально другие понятия о вежливости и гостеприимстве?

Глава 4. Эриданское гостеприимство

Во дворце Таунда работают огромные климат-системы, гудящие, как патрульный катер на взлете. Они уродуют плоскими безыскусными корпусами потолки, обрамленные застейливой лепниной. Вместо строгих геометрических форм орнамента только листья, цветы и статуи животных. Большие хищные кошки, похожие не то на львов, не то на гепардов, царственно спят на вершинах колонн и задевают каменными хвостами буйные лианы. Мрамор нежный, молочный, украшенный позолотой на особо ярких деталях лепнины, а на хвостах львов настоящие золотые браслеты с драгоценными камнями. Роскошь, граничащая с безумием, и наглость правителя, обладающего абсолютной властью. Никто не попросит короля умерить аппетит и поберечь казну. Хочет, может, имеет.

Эриданская охрана провожает нас, молча вышагивая следом по алой ковровой дорожке. Засматриваюсь на рисунок, сотканный так, что ни один цветок или зверь не повторяется, а дорожка плавно огибает все повороты лестницы. Оглядываюсь проверить, не оставляют ли ботинки грязные следы. На транспортнике чистота была почти стерильной, а здесь мы успели пройти по внутреннему двору. Нет, только ворс приминается.

На верхней площадке появляется стройная и очень высокая эриданка в нежно-зеленом платье с золотым отливом. Курчавые волосы собраны в пышную прическу и украшены диадемой с огромными изумрудами. Женщина настолько красива, что я забываю дышать.

Наилий жестом командует нам остановиться и дальше поднимается один.

– Ваше Высочество, – приветствует её, протягивая руку открытой ладонью вверх. Судя по тому, как дергается охрана у нас за спиной, в эриданских обычаях нет поцелуя вежливости, но принцесса с улыбкой подает руку:

– Вы совсем не изменились, генерал. Все так же разбиваете девичьи сердца одним взглядом?

Голос у дочери короля высокий, но звучит мягко, обволакивающе. Вижу, как Наилий замирает, и ревную. Слишком долго целовал ей руку и сейчас держит, хотя должен отпустить.

– Зато вы расцвели и похорошели, нелла Имари. Я прощался с ребенком, а вернулся к прекраснейшей из женщин.

– Вы льстите мне, Наола, – кокетливо смущается принцесса. – Надеюсь мне до сих пор позволено вас так называть?

– Разумеется, – кивает генерал и только сейчас отпускает ее руку.

– Я подготовила вам лучшие комнаты во дворце. Правое крыло, агатовая спальня и нефритовая гостиная. Надеюсь, вы не отправите телохранителей мучиться от жары во внут-

ренный двор в палатки? Для них тоже найдется место. Смогут охранять вас весь день и всю ночь.

– Вы добры и по-королевски щедры, нэлла.

Телохранители, значит. Вот почему Наилий приказал снять погоны и убрать нашивки. Два капитана и майор на охранников никак не тянули. Эридане ждали рядовых и, встретив толпу выгружающую ящики из капсулы, не сразу разглядели среди нас генерала. Это не извиняет их нападок, но объясняет хотя бы частично.

– Жаль, что вы прибыли так поздно, – принцесса дует пухлые губы, – к самой церемонии встречи гостей. Я мечтала, что вы мне сыграете на дудуке как раньше.

– Инструмент у меня с собой, а свадьба такая длинная, что время сыграть вам обязательно найдется.

– Буду ждать, – улыбается принцесса и уходит, звеня кольцами массивных браслетов.

Ревность переворачивает все внутри. Чужая женщина знает о моем мужчине больше, чем я. Он играл ей на дудуке, а мне даже не сказал, что умеет. Забыл? Не счел нужным? Не доверял настолько?

Едва смотрю под ноги, пока идем до комнат. Все молчат и в этой тишине даже мысли кажутся тяжелыми. Душу злость, вспоминая, что и моя вина в этом есть. Наилий часто слушал музыку с планшета, а я ни разу не спросила имени музыканта. В груди болело, стоило подумать, что все это время слышала его игру и не знала. Кто я после этого?

Эриданская охрана отстаёт, как только генерал открывает двустворчатые двери. Нефритовой гостиная названа из-за двух поддерживающих свод колон и резных розеток на потолке. Из их центра спускаются помпезные люстры, бросая блики на стены сотнями прозрачных подвесок.

– Нужно разделиться, – говорит генерал, закрывая за нами двери, – я в спальню, Рэм, Трур и Тиберий в будуар, а Публий с Остием в гостиной.

Знать бы ещё, что такое будуар, и для чего он нужен. Воображение рисует ванную комнату, но как там жить? Да ещё и вместе с лысым стервятником. Он может передо мной голый ходить, если вспомнить телепортацию, а я даже комбинезон не сниму. Жаль, что Трур не посвящён в тайну Тиберия, ещё и маску придётся носить до самого отлёта. И эриданская жара как издевательство. Хотя нет, самое большое издевательство – красота наследной принцессы. Рядом с ней я – скучная моль. Не мужчина, не женщина и от мудреца только половина. А Имари зовет моего любимого мужчину Наола, нарушая этикет, позволяет целовать руку и просит сыграть на дудуке. Только ей одной. Да с какой радости? Не помню такого в списке королевских привилегий!

– Тиберий, – настойчиво зовет Рэм, и я моргаю, замечая, что Трур стоит в дверях, – шагом марш за остальным оборудованием.

– Есть, майор Рэм.

– Стоять! – рывкает безопасник, да так, что эхо испуганно

бьется между стен. – На время операции особое распоряжение. Никаких званий, только имена. Это понятно?

– Так точно.

Субординацию как я понимаю, никто не отменял и если по-дружески хлопнуть майора по плечу, то можно заработать крайне ядовитое устное взыскание. Труп кивает за спину, и я спешу за ним. Ящики таскаем до вымокших насквозь рубашек. Если где-то в них дудук, то, что еще необычного привезли военные на планету? Разносим оборудование согласно маркировке. Будуаром оказывается комната для приема гостей. По крайней мере, здесь есть широкий овальный стол и шесть стульев с высокими спинками. Занавески из нескольких слоев, кружево и цветы в вазах наводят на странные мысли. Наклоняюсь к Труру, усевшемуся отдохнуть на ящик, и спрашиваю:

– А как на Дарии называют такие комнаты?

– Кабинет, – улыбается снайпер. – Только женский.

Однако. Её Высочество не лишена чувства юмора. Или я в упор не вижу тонкой политической интриги?

Рэм открывает ящики с оборудованием и первым делом раздает нам рации.

– Работаем на втором канале. Тиберий, умеешь пользоваться?

– Да, видел уже такие.

– Где? – с подозрением прищуривается безопасник.

Редкая вещь, не спорю. На Дарии выход в Сеть есть везде

и рации просто не нужны, а мог ли о них знать Тиберий по легенде – непонятно. Кажется, сказала глупость, не подумав, выкручиваюсь:

– У санитаров в клинике учения были. Отрабатывали взаимодействие в условиях полной автономности.

Проклятье! Тиберий в клинике лежал совсем не долго, а учения проводились раз в цикл. Что не ляпну, все не так! Но лысый стервятник ответ принял.

– Ладно, канал я уже выставил, частота у всех одна и та же. Вот регулятор громкости, он же включает и выключает рацию. На прием она работает всегда, а чтобы самому ответить – зажимаешь кнопку и говоришь. Предупреждаю сразу. Никаких посторонних разговоров в эфире! Труп, тебя это тоже касается.

– Понял, – улыбается снайпер.

Вешаю девайс на ремень и с любопытством рассматриваю остальное оборудование Рэма. Крошечные видеокамеры и микрофоны в прозрачном контейнере, портативный компьютер, знаменитые браслеты для арестантов и нечто подозрительно смахивающее на инструменты для пыток. Основательно решил здесь окопаться лысый стервятник. Оккупировал стол, передвинул его к стене, забрал два стула и загрозил ящиками половину будуара. Ходи теперь мимо них, боясь наступить. Меня старший санитар чуть не съел, когда я пнула дрон-уборщик. А от разъяренного Рэма не спасет даже статус любовницы генерала.

– Рэм, – говорю я и отхожу от драгоценного оборудования как можно дальше. – Его Превосходство приказал мне тренироваться...

– Выйдем на церемонию приветствия гостей, я покажу, кого мы сможем умыкнуть без последствий, выберешь из них. А добрый доктор Назо поможет нам медикаментозно.

– Чтобы забыли все, что с ними происходило?

– Верно.

Не по себе от того, что придется подселять Леха в ни в чем не повинных эридан и лиеннов, но раз уж я здесь, то поздно переживать. Публий появляется в дверях, будто услышав, что про него говорили.

– Не доверяю я местной кухне, – ворчит военврач, держа в руках четыре контейнера с таблетками. – На свадьбу явно притащат экзотику со всех уголков королевства. Неперевариваемые фрукты, мозги пальмовых обезьян...

– Ты сейчас пошутил про мозги? – грубо обрывает его Рэм, но медик в ответ злорадно усмехается:

– По одной таблетке перед каждым приемом местной пищи. Я предупредил.

Раздает нам контейнеры, а ко мне в ладонь кладет два.

– Тиберий, занеси один генералу. Мне еще мини-госпиталь разворачивать там, где для него нет места, боюсь, поругаюсь с Его Превосходством.

Капитан Назо сердит и взвинчен. Большинство ящиков были его, а гостиная хоть и впечатляет размерами, но затол-

кать в неё госпиталь все равно, что канат продеть в игольное ушко. Знаю, что должны были встать лагерем на заднем дворе королевского дворца, но принцесса Имари решила иначе. Прячу свой контейнер в карман и стучусь в спальню к Наилию:

– Ваше Превосходство, разрешите.

– Входи.

Тяжелые шторы на окнах задернуты, отчего в комнате темно, как в сумерках. Генерал сидит на гигантской кровати под балдахином и держит в руках одну из крошечных камер Рэма.

– Даже здесь собрался за мной подглядывать. Старый лис не меняет привычек.

– Я тебе таблеток принесла.

Стою, прислонившись спиной к закрытой двери, и стараюсь говорить как можно тише, но интонация все равно холодная и колючая. Понимаю, что генерал улыбается принцессе исключительно в дипломатических целях. Таунд Честный отклонил все встречи и давно не разговаривает с Наилием, а его дочь единственный шанс пробиться к монарху. Но как же хочется, чтобы Её Высочество держалась от моего мужчины подальше.

– Дэлия, что-то не так? – тихо спрашивает генерал.

Открываю рот и снова закрываю, проглатывая упрёки и претензии. Не должна себя так вести. Мудрец, а не звезда на всплеске эмоций. Но один вопрос все же срывается с языка:

– Почему Наола?

– Садись, – вздыхает Наилий, хлопая по покрывалу рядом с собой, – я и так здесь на всех смотрю снизу вверх, шея скоро будет болеть.

Упрямиться глупо, поэтому иду, как деревянная кукла, плотно сжав кулаки, и усаживаюсь на край кровати. Генерал хмыкает и молчит. Долго, пока я не теряю терпение:

– Ну. Рассказывай.

Его Превосходство обнимает меня упирающуюся, снимает маску и целует в шею на каждое слово.

– Колючая. Злая. Ревнивая.

Добирается поцелуями по щеке до губ, и я сдаюсь. Сил нет сопротивляться, когда от него так пахнет свежестью горного цветка. Обнимаю, забрасывая ноги на генерала, но он останавливается.

– Я знаю Имари с рождения, она росла у меня на глазах. Шебутная была и любопытная девчушка. Как-то мы с Таундом засидели допоздна, а она от нянек сбежала требовать, чтобы отец поцеловал на ночь. Получила своё и вдруг на меня засмотрелась. «Как тебя зовут?». Я по привычке назвал полное имя. Наилий Орхитус Лар. Принцесса сморщила нос и заявила, что это слишком длинное имя для такого маленького дяди. Она будет звать меня короче. На-О-Ла. Я не стал возражать. Играл ей потом на дудуке и она уснула у меня на коленях. Циклов пять ей было тогда. А последний раз я её видел, когда Имари исполнилось одиннадцать. Попрощался

и улетел, отдав планету Малху. Перераспределили зоны.

Не стоило забывать насколько Наилий старше меня. Было время, когда стройные красавицы бегали в подгузниках, а он уже носил генеральские погоны. Сколько планет, войн, встреч и знакомых. Хватит на целый мир, существующий за долго до моего рождения.

– Дэлия, – зовет он и ласково целует в щеку, как, наверное, целовал маленькую принцессу, – Имари отдают замуж за ненавистного лиенна, отец отправляет в другую страну. Свадьба – её последние дни дома, а я напоминаю о детстве. Когда не было войны, а впереди ждало только счастье. Я взял с собой дудук, надеясь, что она вспомнит, и не ошибся. Буду дальше стараться налаживать с ней контакт. Тем более она сама охотно идет навстречу. Ты знаешь, почему будешь жить в будуаре?

Отрицательно качая головой, и генерал объясняет:

– Это женское крыло дворца. Покои принцессы через стену от спальни. Это почти скандал поселить здесь мужчин, но Имари смогла повлиять на отца. Я надеюсь, она и с договором поможет.

Упорство принцессы достойно восхищения. Не хочет ли она отменить свадьбу, используя для этого Наилия?

Как же хочется вцепиться в генеральский комбинезон и не отпускать, пока не расскажет все, о чем промолчал Остий на совещании. Настоящие мотивы всегда проще, честнее и понятнее официальных версий. Но, с другой стороны, так ли

уж мне нужно раскапывать этот муравейник до основания?

Наилий соскучился и ласкает все настойчивее. Ведет ладонью по внутренней стороне бедра, окончательно сбивая мои мысли. Кровать мягкая, шторы задвинуты, единственная камера обесточена, и вот уже просыпается голод, который не утолить даже самым нежным поцелуем. Я хочу своего мужчину и плевать, что мы на другой планете. Толкаю его в грудь, роняя на покрывало, и усаживаюсь сверху. Но шелест расстегиваемой молнии перебивает осторожный стук.

Вскакиваю, как ужаленная, и в панике ищу маску. На кровати нет, на пол скатилась?

– Наола, к вам можно?

Разве ей запретишь в своем-то дворце? Принцесса выныривает из-под занавески, скрывающей смежную дверь с её покоем. Уже в бирюзовом платье и с распущенными волосами. А я стою рядом с кроватью генерала, сжимая в кулаке вязаную маску. Надевать поздно, эриданка уже меня увидела.

– Я помешала? – невинно хлопает ресницами Её Высочество. – Извините.

– Нет, все в порядке, Тиберий принес мне медикаменты.

– Вам нездоровиться?

– К климату привыкаю.

Наилий садится в кровати, но не встает, и я помню почему. Успел завестись, а в тесных штанах военного комбинезона это заметно. Лишний повод для сплетен, да еще каких.

Генерал закрылся в спальне с собственным телохранителем.

– Не узнала вас без маски, – певуче тянет слова принцесса, рассматривая меня с любопытством. Отчаянно тяну спину и стараюсь выглядеть серьезнее. Как мужчина.

– Сколько загадочности и не понять почему. Обычный юноша, разве что очень симпатичный. Наола, ваши мальчики все больше похожи на девочек.

Замерзаю изнутри, не в силах пошевелиться, а Наилий смеется, реагируя на невероятную догадку принцессы, как на шутку. Мне бы его выдержку. То бледнею, то краснею, то потею.

– Тиберию повзрослеть нужно, – улыбается генерал, – тогда перестанут путать с противоположным полом.

Имари расцветает в ответ, встряхивая тугими пружинками кудрей. Озорная и довольная собой.

– Ваша вечная молодость хуже загадок бабушки Ханум. Я всегда ошибаюсь. Вроде юноша томный, а ему шестьдесят, как вам, Наола. Сколько же тебе лет, Тиберий?

Морщусь, соображая, что ответить. Лет? Почему не зим? Это как наш цикл или нет?

– Шестнадцать ему, – помогает генерал.

– Мне тоже, – принцесса хлопает в ладоши и смеется.

Чопорность и королевское величие остались на ступенях дворца. Под шелком наряда и золотом украшений веселится совсем юная дарисса. Шестнадцать! Мы в её возрасте на курсы ходим и в куклы дома играем, даже не думая о муж-

чинах. Какая еще свадьба? Рано! Нельзя! А если дети будут? Несуществующие боги, Имари сама ребенок.

– Извини Тиберий, что я тебя девочкой назвала. Я не со зла, не обижайся. Мир?

Принцесса протягивает руку ребром ладони вверх и растопыривает пальцы. Два раза перечитывала справку по культуре Эридана и не помню такого жеста. Проклятье, стыдно.

– Ну, чего ты? – куксится принцесса.

Наилий встает у меня за спиной и шепчет над ухом:

– Нужно пожать руку.

Как старый дрон на несмазанных шарнирах, подхожу к наследной принцессе Эридана и несмело сжимаю её ладонь. От Имари пахнет розовым маслом, кожа в полумраке темнее антрацита. Принцесса смотрит на меня с высоты своего невероятного роста, а я вдруг плыву. Спальня качается перед глазами, как речной катер на волнах. Розовым маслом можно задохнуться, пол уходит из-под ног, и в сознании просыпаются духи:

«Расслабься, хозяйка, и смотри».

Юрао включается, помогая увидеть размытое облако привязок четче. Вокруг принцессы плотный клубок разноцветных нитей и все тянутся далеко. Только одна желтая упирается в грудь Наилия. Действительно считает другом и не претендует, как на мужчину. Розовая привязка есть, и она плотно перевита с реализованной зеленой. Вот так ребенок. Но мне все равно тяжело принять чужое отношение к взрос-

лению. Рано она познала близость с женщиной, сколько бы меня не убеждали в обратном, ссылаясь на культуру и обычаи. Сюзеренов у Имари нет, а вассалов так много, что даже не пытаюсь сосчитать. Слуги? Красных нитей к родственникам тоже хватает. Самая мощная сейчас заблокирована черной ненавистью. Отец? Можно не смотреть, кто на конце розовой привязки. Я уверена, что любит Имари совсем не Рагнара Одержимого. Есть за что злиться на родного отца. Меня нет несколько мгновений, но принцесса успевает заметить.

– Тиберий, что с тобой?

– Смущен чрезвычайно, – продолжает подсказывать из-за спины Наилий, – и сражен вашей красотой.

Имари улыбается до ямочек на щеках, звеня тяжелыми золотыми сережками. Аромат розового масла рассеивается, а я счастливо выдыхаю. Вижу привязки! По крайней мере, у эридан точно, и не нужны подопытные.

– Что же он такой юный и смущенный делает в космосе? – с любопытством в глазах спрашивает принцесса. – Разве ему можно?

– Нет, – вздыхает Наилий, – потому и в маске ходит. Сын другого генерала и моего друга. Увидит кто – сразу узнают, а отец просил взять его с собой. Пора мальчишке взрослеть.

Услышав об отце, Имари поджимает губы. Радость и веселье тают, как кубик льда в жару. Генерал ловит перемену настроения и напрягается. В спальне тонко тянет апельсином.

– Как здоровье вашего отца?

– Не знаю, – дергает плечом принцесса, – мы редко разговариваем. Он зол на всех и даже вас встретить не вышел, хотя я просила.

Тон голоса Её Высочества остывает, она сжимает руки в кулаки и вытягивает спину, как кадет перед офицером, только наклон головы другой. От него взгляд особенно упрямый.

– Кому нужна это свадьба? Вам? Не думаю. Мне тысячу раз повторяют, что цзы’дарийцы теперь враги, а лиенны друзья – не поверю. Это как черный снег и белый уголь. Рагнар убил моего дядю, а я буду, как послушная жена, мыть волосами его ноги в тазу, когда он вечером вернется домой?

Я и без фантомного аромата харизмы чувствую, что принцесса давит, как правитель-двойка. Тяжесть ложится на плечи и отпускает, стоит усилиться запаху цитрусовых. Энергетические игры, не видные никому. Ярость добавляет Имари сил, но с Наилием ей не тягаться.

– Так решил ваш отец, и ни я, ни полковник Малх не смогли его разубедить.

– Зачем тогда вы прилетели? – повышает голос принцесса. – Посмотреть, как меня отдают белому сброду?

– Заново подписать договор, – спокойно отвечает генерал. – Если мы не нужны как военные, то пригодимся как охранники. А чего вы хотите, принцесса?

Наилий делает рискованный ход, как игрок в Шу-Арлит, открывая свои главные позиции и фактически оставив их без защиты. Честность в обмен на честность?

– Я не хочу замуж за Рагнара, – голос Имари звучит глухо и безжизненно, – и новой войны тоже не хочу. Выгнать вас с планеты потребовали лиенны. Они много требовали, но это в первую очередь. Отец на все согласился. Трон и королевство оказались важнее. Пройдет время, говорил он мне, и ты поймешь. Я постараюсь. Повзрослею, стану мудрее и прошу. Если буду далеко от Рагнара. Заберите меня отсюда. Вы ведь можете, Наола.

Молчу, задержав дыхание, и думаю каково это, когда собственный отец расплачивается тобой, как деньгами за товар? Жертвует ради чужого всеобщего блага. Всем будет хорошо и только тебе невыносимо. Робко заглядываю в глаза Имари и вижу себя на пороге дома с сумкой в руках. Слышу: «Все будет хорошо, дочка». Ты права мама, все стало хорошо. Я тоже прошу когда-нибудь, но из психиатрической клиники, куда ты меня отправила, я сбежала. Вернее, меня забрал Наилий.

Я бы спрятала принцессу в самом большой ящике и тайком протащила на транспортник. Увезла в горы девятого сектора или в пустыни второго и третьего, где не найдет ни один лиенн. Но Дария закрытая планета. В транспортнике стоят биосканеры с анализаторами генетического кода. Поэтому рядовому Тиберию исправляли генетическую карту, а не создавали новую. Имари не пройдет через сканер. Её не допустят до телепортации. Генетически чужая. И всей власти Наилия не хватит, чтобы нарушить главный закон – на

планете никого, кроме цзы'дарийцев.

– Не могу, принцесса, – тихо отвечает генерал.

Имари медленно разворачивается, так и не опустив головы. В тишине спальни слышу только, как стучит моё сердце, и звенят браслеты на руках эриданки. Она отодвигает занавеску и перед тем как уйти шепчет:

– Спасибо, что не стали врать.

Ткань опускается и уже за ней хлопает дверь.

– Имари упряма, – вздыхает Наилий, – боюсь, сорвет свадьбу. Подружись с ней, кажется, ты ей понравилась. Раз духу нужна привязка, то пусть будет. Чтобы остановить в момент бунта или заставить сказать «да» у алтаря. Пока Рагнар здесь, Таунд слышать ничего не захочет про договор, а уедет Одержимый только забрав все, что считает своим.

У меня тоже нет выбора. И сил это обсуждать.

– Хорошо, будет привязка, – киваю генералу.

Глава 5. Церемония встречи гостей

Поговорить нам снова не дают, на этот раз стучат со стороны своих.

– Ваше Превосходство, здесь послание для вас.

Тон голоса Остия напряженный. Вряд ли с хорошими новостями. Я надеваю маску и выхожу вслед за Наилием из спальни. Посланием оказывается юноша в ярком желтом костюме и треугольной шапке на голове. Чем-то неуловимо военным тянет от эриданина. Поза с вытянутыми по швам руками, вздернутый подбородок, крепко сжатые пятки. Охранников я уже видела, а это слуга? У ног юноши ворох цветной одежды: красная, ядовито-зеленая, кислотно-розовая, пурпурная, серебристая, ничего белого или черного.

– Ваше Превосходство, – хорошо поставленным голосом произносит слуга, – Его Величество король Таунд Честный правитель Эридана просит вас соблаговолить явиться на церемонию встречи гостей в эриданской одежде. Его Величество предвидел, что вы прилетите в военной форме, и прислал вам подарок. Наряды от наших лучших модельеров.

Офицеры, до этого чинно стоящие вокруг, оживляются и приглядываются к вороху. Три пары глаз синхронно становятся большими, губы поджимаются, брови хмурятся, но комментариев цзы'дарийцы себе не позволяют. А я не пони-

маю, что так напугало мужчин? Это же всего лишь одежда. Да, может быть излишне ярко, но ведь свадьба – праздник.

– А если я откажусь? – спрашивает Наилий, заложив руки за спину.

– Его Величество просил предупредить, что в военной форме вас дальше покоев не выпустят, – бойко выдает заранее заученный ответ слуга. – На входе уже стоит охрана и, если понадобится, они забаррикадируют дверь.

Наилий хмыкает, а офицеры мрачают так, будто вместо свадьбы прибыли на похоронную церемонию. Что за странное требование? Каприз обиженного короля, условие ли-еннов или ответная реакция на сцену при приземлении с вытасненным из кармана бластером? Эридане боятся, что цзы’дарийцы начнут стрелять в гостей и специально прислали одежду без карманов?

– Передай Его Величеству, что я и мои телохранители придем на церемонию в эриданской одежде.

Слуга низко кланяется и задом пятится к двери. Провожают его полными раздражения взглядами.

– У Таунда тропическая лихорадка? – ворчит Публий, безглаголиво вытаскивая из вороха лиловую рубашку с пышными воланами на груди. – Он явно бредит.

– Скорее издевается, – холодно отвечает Наилий, пиная носком ботинка узкие штаны с леопардовым принтом. Чем больше мужчины ворошат подарок короля, тем сильнее я удивляюсь, а когда достают юбку, не выдерживаю:

– А это точно мужская одежда?

– Да, Тиберий, – вздыхает генерал, – мужская эриданская мода беспощадна. Остий, ты поменял деньги?

– Никак нет. Виноват, Ваше Превосходство.

– Переодевайся и бегом на рынок. Купишь нормальной одежды.

Глаза разведчика становятся еще больше, а Публий с Рэмом давятся смехом.

– Ваше Превосходство, – мнетя Остий и показывает на меня глазами.

Ну, да, Трур куда-то пропал, а по званию я здесь самая младшая.

– Что такое? – вдруг вскипает Наилий. – Тиберия послать? Он города не знает. А ты внедренец? Вот и внедрись на рынок. Еще вопросы?

– Никак нет.

Эстафета неприятной подставы переходит от Наилия к Остию. Разведчик с обреченностью приговоренного к смерти раскапывает залежи дизайнерских шедевров, а Публий и Рэм сразу же усаживаются в кресла, оттуда комментируя особо лютые наряды. Безопасник еще и планшет достает, чтобы сфотографировать. Не понимаю иногда мужского чувства юмора. Это же, как пинать лежащего.

– Ну, дырка, зато живот открыт, – входит во вкус лысый стервятник. – К этой майке вон те штаны, что держатся только на яйцах.

– Катись в бездну, Рэм, – зло выдыхает Остий, расстегивая молнию комбинезона, а я опять наблюдаю, как раздевается чужой мужчина.

– Труп ушел точки искать? – меняет тему генерал.

– Да, Ваше Превосходство, – кивает Рэм, пряча планшет, – на эридан маячки придется в толпе вешать, а лиеннов, если придут в бронежилетах, мы спокойно расстреляем.

Плаваю в жаргонизмах, но, кажется, ухватываю суть. Следить будет Рэм за местными по мониторам, не выходя из покоев, а Труп во дворце через прицел снайперской винтовки. Избранных пометят крошечными радиомаяками. Сложная и кропотливая работа предстоит. Найти предателей среди эридан, что поддерживали лиеннов, и сдать их Таунду – еще один вариант. Остий не справился, теперь за дело берется Рэм.

Разведчик наконец-то влезает в темные брюки и зеленую рубашку, подкатав штанины и рукава. Выбирает из кучи самое нейтральное, но выглядит все равно комично. Кивает на прощание и уходит, забрав из карманов комбинезона пластиковые карты и рацию. Из города сигнал вряд ли дойдет, но на территории дворца мы разведчика услышим.

– С остальным что делать, Ваше Превосходство? – спрашивает Публий. – Выбросить?

– Нет, это все же подарок. Спрячьте так, чтобы я не видел.

– Есть.

Наилий брезгливо косится на розовые панталоны с круже-

вом на штанинах и качает головой. Я думала, сильнее разозлится. Издевательство неприкрытое и даже гибкое решение генерала не особо помогает. Без военной формы в чужой одежде цзы'дарийцы окажутся в приниженном положении. А впереди переговоры о новом договоре. Таунд знает, зачем на самом деле прилетел Наилий и готовится заранее, расшатывая генералу нервы. Подростковая ведь выходка с нарядами. Достойная звезды, а не правителя, но сработала. Наилий сбит с точки равновесия.

Я с тревогой вглядываюсь в него, ныряю в облако привязок, но вижу только слабое раздражение. От него картина идет рябью, но остается различимой. На пике мудрецового кризиса клубок привязок превратится в цветную кашу с обширными пустотами и черными областями. А до него Истинные должны генерала довести. Я боялась, что давить будут работой, усугубляя проблему родия до катастрофы, но Наилий обходит препятствия, почти не замечая. Старый, опытный, мудрый. Мелкими укусами Таунда, даже если их будет очень много, истерики не добиться. Ситуация с моей мнимой смертью и появлением Тиберия дошла до открытия способностей и себя исчерпала. Истинные или придумают что-то новое, или под другим углом вывернут старое. Жаль, я никак не могу обсудить это с Наилием. Вот и сейчас он отходит от меня к мониторам Рэма и слушает, как безопасник инструктирует Публия:

– Сейчас на экране только контрольный маяк. Я прицепил

его к колонне дворца, когда мы заходили. Видишь, он моргает зеленым? Маяки Трура на лиеннах будут загораться красным. Твоя задача: сообщать мне по радиации сколько зеленых и сколько красных сейчас.

– Сколько всего должно быть?

– Семь зеленых, пять красных.

Военврач кивает и Рэм продолжает:

– Если маяк погаснет, скажешь мне его номер, я проверю. Следить будешь, пока я не вернусь с церемонии и не приму пост.

– Есть, – отвечает Публий.

Совсем плохо с личным составом на операции, если медика привлекли к слежке. Снова отчаянно чувствую себя бесполезной, пока Рэм не начинает инструктировать:

– Тиберий, мне показывали схемы привязок, которые ты рисуешь. Как много сможешь запомнить за один раз?

– Всех офицеров на осеннем балу у генерала, – чеканю я, не уточняя, что запоминает на самом деле Юрао, я могу указать только самые яркие и очевидные моменты.

Потом, когда переносу схему на бумагу, прошу духа помочь, и он показывает те привязки, что я забыла или видела только мельком. Еще интереснее с тем, кто к кому привязан. Если двое стоят рядом со мной, то я вижу, откуда выходит нить и куда упирается. А если второй конец слишком далеко, то только дух может мне его показать. Не бесплатно, конечно. В обмен на зеленую энергию похоти, как на еду. До сих

пор у меня не было с ней проблем, но из-за полета на Эридан я уже несколько дней не получаю ласку от Наилия. Запас энергии не велик и, когда он истощится, ни одной привязки я больше не увижу.

– Не слабо, – комментирует моё заявление Рэм. – Гостей на свадьбе наследной принцессы будет раза в три больше, справишься?

– Нет, – вместо меня отвечает генерал, – на балу я подошел к каждому офицеру, обеспечив Тиберию физический контакт. Здесь такого не будет. А без контакта мудрец видит меньше.

Киваю, подтверждая слова Наилия. Дело все в той же энергии. Прикасаясь к другому, я могу отдать духу вместо своей энергии чужую. Да, это будет маленький глоток через тонкую соломинку, но благодаря ему картина привязок станет четче, а я вычерпаю себя до дна позже.

– Плохо, – поджигает тонкие губы Рэм, – а я надеялся.

– Привязки Таунд как доказательства не примет, – говорит генерал, – нужны фотографии, записи разговоров. Основная работа все равно старыми средствами. Тиберий тут, как оптический прицел. С ним точнее, но стрелять можно и без него.

Надеюсь, стрелять не придется. В том числе палить из тяжелой артиллерии в виде духа-каннибала по имени Лех. Судя по тому, что Рэм про него не спрашивает – не знает. Тем лучше.

– Тогда запоминай все, что сможешь. Пригодится.

– Есть, – киваю я.

Почти к самой церемонии с рынка возвращается Остий, сбрасывая на кресло ворох купленной одежды. Представляю, что бы началось, окажись вместо офицеров в будуаре женщины. Без драки и скандала одежду бы не поделили. А у военных наряд первым выбирает генерал, а последним самый неприхотливый. Остий постарался найти вещи, похожие на гражданскую одежду цзы'дарийцев, и у него получилось. Темно-синие прямые брюки, рубашки без вычурных жабо и воланов, строгие жилеты и нейтральную обувь похожую на тапочки. Сконфуженно застываю посреди комнаты с одеждой в руках. Причина, почему Тиберий не может переодеваться со всеми, никак не сочиняется, и я бросаю умоляющие взгляды то в Наилия, то в Публия, то в Рэма. Первым их замечает военврач:

– Тиберий, принеси из гостиной антисептик в баллончике, – просит он, и я убегаю чуть не ляпнув: «Спасибо», вместо: «Есть!»

Мне достаются свободные брюки оттенка мореного дуба и кремовая рубашка с коротким рукавом. Едва застегнув пуговицы, я вспоминаю, что физически все еще женщина и, какой бы маленькой не была грудь, под тонкой тканью она заметна. Да еще и сквозняк от кондиционера заставляет соски торчать так, как они никогда не торчат у мужчин. Несуществующие боги, хоть бинтом заматывай! Отличная идея,

кстати. Публий развернул мобильный госпиталь не до конца, но эластичные бинты далеко убрать не мог. Тонкие, как паутинка, такие же липкие, и кожа под ними дышит. Скидываю рубашку, наматываю три слоя и вспоминаю про баллончик, за которым меня сюда отправляли. Бездна, хоть зубами хватай и беги!

Когда возвращаюсь в будуар, офицеры уже в гражданке. Антисептик у меня молча забирает Публий, и по знаку генерала мы выходим. Наилий впереди, как вожак журавлиного клина, за ним Рэм и Остий, а меня оставляют плестись в хвосте.

Жаркое дневное светило Эридана подкатывается к горизонту, окрашивая мрамор дворца в оттенки розового. Охрана у дверей действительно стоит и молча расступается, увидев цы'дарийских военных без привычных форменных комбинезонов. Я наслаждаюсь разнообразием оттенков и фасонов одежды на мужчинах, но никогда не признаюсь об этом. Обидятся.

Церемонию слышно издали высоким пением струнных и звонким ритмом барабанов. Она раскинулась шатрами во внутреннем дворе у заросших водяными лилиями прудов и бассейнов с чистой водой. На стальных обручах с арок и колонн спускаются яркие птицы с массивными клювами и визгливыми голосами, но все забивает равномерный гул толпы. Королевская свадьба обязана поражать размахом, и, выйдя на широкую площадку перед шатрами, мы тонем в

море черных тел эридан. Где-то на том берегу в креслах с высокими спинками сидят жених с невестой. Суровый воин Рагнар Одержимый и прекрасная Имари. День и ночь этого мира. Цель нашего путешествия через гомон взбудораженных гостей, облако ароматов еды и внимательные взгляды распорядителей.

Едва окунувшись в толпу, Рэм теряется так профессионально, но я не на шутку пугаюсь. Заставляю себя не озираться по сторонам и не искать, на каком балконе дворца или в листве высоченного дерева притаился Труп с винтовкой. У них своя задача, а я должна смотреть привязки. Послушно прикрываю глаза, и безумная картина свадьбы расцветает еще и цветными нитями, ошеломляя и сбивая с ног. Выпадаю из ритма движения, и меня толкают трижды прежде, чем кто-то берет крепко за локоть.

– Не спеши, – шепчет Наилий, – сейчас мне нужны только члены королевской семьи, а они все будут за спиной у Имари.

На нас оборачиваются женщины в одних бусах и шелковых набедренных повязках. Эриданки морщат широкие носы и тычут пальцами с хищно заостренными ногтями. Белый сброд, я в курсе.

Жарко, все пьют голубой коктейль, закусывая дольками засахаренных цитрусовых. На возвышениях мужчины танцуют совершенно дикие танцы, в которых нет ничего кроме транса первобытных охотников, призывающих богов благословить их копья и стрелы. От чужой энергетики дурно, гу-

стой аромат фруктов и пряностей щекочет ноздри, и я давно не понимаю, куда мы идем.

Здесь смешано все, что можно, и в котел постоянно бросают новые ингредиенты. Нет только лиеннов. Они предпочли сделать себе отдельный коридор, чтобы не пересекаться с гостями со стороны невесты. Мудро, учитывая, что недавно закончилась война.

Темнеет на Эридане быстро. Только что светило висело над горизонтом, и вот уже в синих сумерках зажигают огни. Наконец, возвращается Рэм, и мы поднимаемся на длинную дорожку, оставшись в одиночестве. Гул тут же стихает, и море черных тел, разогретых алкогольными коктейлями, вздымается волной. Раскатами грома катится тревожный ропот. Нас здесь никто не ждал, распорядитель не зачитывает с листа на подставке наши имена, представляя гостей жениху и невесте. Молчит демонстративно, но генералу на это плевать.

Рядом с принцессой в черном цзы'дарийском бронежилете сидит Рагнар Одержимый. Он носит бороду, заплетает волосы в косу и выбривает широкие полосы над висками. Я морщусь от запаха жженой резины. Он здесь лишний, я не должна чувствовать агрессивную харизму правителя так далеко от Дарии. Будто лиенн тринадцатый генерал, и мы вторглись без спроса в его сектор. Рагнар шуруется на толпу со снисходительностью сытого хищника, но подбирается, стоит заметить такую же белую кожу, как у него. За мгнове-

ние понимаю восторг Остия. Рядом с Одержимым вся эриданская знать не больше, чем глупые павлины, занятые красотой своих перьев.

– Наола, – счастливо восклицает Имари и поднимается из кресла, протягивая руку.

Принцесса укутана в белую ткань до кончиков пальцев и мелодично звенит золотыми сережками.

– Не стоит, Ваше Превосходство, – шипит Остий, – для лиенна прикосновение к его женщине – оскорбление.

– Она еще не его женщина.

Наилий подходит ближе и очень медленно склоняется, чтобы подарить принцессе поцелуй вежливости. Я слышу, как трещит ткань, натягиваясь на мускулах Рагнара, вижу, как он двигает нижней челюстью. От жженой резины глаза щиплет, и напряжение ощущается кожей.

– Спасибо, что прилетели, – кокетливо улыбается Имари. Хочет что-то добавить, но не успевает. Рагнар с размаха бьет её по руке. Её, а не генерала. Уверенно и точно, взвиваясь вслед потоком слов, с которыми не справляется био-переводчик. Язык лиеннов отрывистый, грубый, и от слов-ударов принцесса морщится, потирая ушибленную руку.

– Со мной говори, – обрывает его оскорбления Наилий, но Рагнар выливает остатки ярости на свою невесту.

Под её истошный крик наматывает белую ткань на кулак и выдергивает невесомую Имари из кресла, толкая назад в руки своим телохранителям в бронежилетах и при оружии.

Я реагирую на движение Рэма и Остия на автомате, бросаясь следом. Тренированные цзы'дарийские военные – не слабая перепуганная дарисса. Офицеры молча и быстро бьют лиеннов по глазам и в горло, оттесняя телохранителей вождя от принцессы. А я отчаянно дергаю её на себя, пока Наилий мешает Рагнару пробиться к нам. Лиеннам достаётся в схватке до оглушительно громких в зловещей тишине ударов, но мы с Имари уже стоим за спиной генерала.

– Ты кто такой? – прищуривается Одержимый, шевеля ушибленной челюстью и косясь назад, где стонут его лучшие бойцы, а Рэм с Остием деловито поправляют одежду.

– Наилий Орхитус Лар. Генерал пятой цзы'дарийской армии.

Громко и максимально подробно, чтобы услышал каждый зритель. Меня колотит от выброса адреналина, а на плече безвольной тряпочкой висит несчастная Имари. И в хаосе обрывков мыслей я вдруг понимаю, для кого был спектакль.

Чёрное море веселящихся гостей пятится назад, оставляя посреди площадки под шатром взволнованно-молчаливых эридан в золотых одеждах. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться настолько, чтобы увидеть привязки. Алые нити королевской семьи. А тот высокий в центре, похожий на Имари, её отец. Таунд Честный.

– Не смей вмешиваться, – цедит Рагнар, прожигая взглядом Наилия.

Лиенн выше почти на две головы и шире в плечах в пол-

тора раза, но добраться до Имари он не смог. Не успел.

– Это моя охрана, – выкрикивает Её Высочество, рождая вторую волну ропота, – пока под брачным договором не стоят наши подписи, цзы’дарийцы будут меня защищать!

Лихо, но обдуманно. Подозреваю, что не разберись Имари в ситуации, тоже самое предложил бы сам Наилий.

– Моё Высочество, – глухо говорит Таунд, – у тебя уже есть охрана.

– Эти трусы?! – Разыгравшаяся сцена позволяет принцессе быть грубой и безжалостной. Имари с жаром обличителя тыкает пальцем в притихших эриданских охранников. – Они разбежались, как тараканы!

– Я не могу заставить гостя работать, – сладко и даже немного ехидно улыбается король. – Наилий прилетел на праздник.

Битва продолжается, и в ней у Имари гораздо больше опыта, чем у всех вооруженных военных вокруг неё.

– Конечно, он наш гость, – покладисто кивает принцесса, – я прошу всего двух телохранителей.

– Одного, – обрывает Таунд, – и ты сама его выбрала. Если Наилий не против, разумеется.

Имари впивается пальцами в моё плечо и оборачивается к генералу. А я думаю, какой была вероятность, что из всех цзы’дарийцев когда-либо бывавших на Эридане, телохранителем принцессы станет переодетая женщина. От слабости в ногах хочется за что-нибудь ухватиться, а лучше сбежать. Я

не могу выдержать взгляд Наилия. Ледяной, мертвый. Он с трудом разжимает челюсти и отвечает:

– Я не против.

Над ухом тихим взмахом крыльев бабочки выдыхает Имари:

– Спасибо, Наола.

– Я против! – дергается Рагнар. – Я отменю свадьбу, если ты не выполнишь всех условий, Таунд!

– Договор не нарушен. Пока свадьба не состоялась, моя дочь – подданная Эриданского королевства. И я могу защищать её так, как сочту нужным. Цзы’дарийские войска выведены с планеты, а генерал Лар наш гость.

Голос Таунда наливается металлом. Привязка ненависти к обоим белым мужчинам напитывается свежей энергией. Я тону в его связях, пытаюсь одновременно заглядывать в родственников, друзей и врагов, но разглядеть хоть что-то не легче, чем поймать муравьев руками.

– Да будет так, – вытягивает спину Одержимый и оглаживает густую светлую бороду. – Если ты считаешь, что тощий ребенок сможет защитить Имари, то помни – второй дочери у тебя нет. Мне надоела церемония. Хочу нормальной выпивки и женщин.

Рагнар разворачивается и уходит с возвышения, забирая своих охранников и тех лиеннов, что смотрели спектакль из-за широкого ограждения в стороне. А мне становится отчаянно страшно не только за свою жизнь.

Глава 6. Телохранитель Её Высочества

Имари возвращается в кресло, чтобы принять оставшихся гостей, а мне жестом показывает за его спинку. Служить и охранять, да. На слабых ногах и с бешено колотящимся сердцем спускаюсь с возвышения и успеваю поймать взглядом только удаляющиеся спины цзы'дарийцев. Даже Рэм не оборачивается со злорадной усмешкой. Сильнее влипнуть в неприятности на этой планете я просто не могла. Мало того, что телохранитель из меня, как из Наилия косметолог, так еще и эридане смотреть будут пристально, делая выводы о всех цзы'дарийских военных. Нельзя бояться и стоять с растерянным видом, нельзя стучать зубами, бегать к старшим за подсказками и прятаться за спину Имари, если какой-нибудь лиенн снова косо на неё посмотрит. Выдержка, спокойствие и профессионализм.

Куда там, я уже вспотела два раза. Несуществующие боги, поделитесь безразличием!

Правда, есть один способ превратиться в отрешенную статую – поработать с привязками. Чем я и решаю заняться, раз уж стою так близко от королевской семьи Эридана.

Сложно здесь все, как у любой семьи, где делят власть. Зависть и ненависть так туго переплетают все остальные при-

вязки, что я не могу разглядеть ни любви, ни дружбы, ни поддержки. Зато зеленая похоть затягивает всю картину, как ряска болото. Не успеваю остановиться и замечаю реализованную между мужчинами. Деверь короля Одрик и Янгл, сын убитого Рагнаром Оларса. Стоят рядом, потягивают коктейли и Одрик ласково гладит Янгла по щеке. И ведь даже не думают скрываться.

Мне, как обычно, все равно. Чужие пристрастия не трогают и значат не больше, чем линия соответствующего цвета на схеме. Многое, что вижу сейчас, успела вычитать в отчете Остия еще на транспортнике. С любовью и родством все ясно, а вот слабые желтые нити знакомств так густо оплетают семью, что без Юрао мне не разобраться.

Духи молчат, разделив скудную энергетическую пайку на троих, и чудом не обижают самого мелкого. Паразит уже намекал деликатно, что не мешало бы подкрепиться, но теперь я как телохранитель Её Высочества еще дальше от Наилия, чем была. Надеюсь, Имари хотя бы ночью отпустит повидаться.

Медленно перебираю желтую пряжу, откладывая те нити, что связывают эридан с эриданами. Мне нужны к лиеннам или к цзы'дарийцам. Пока только лица без выводов. Манера северных жителей носить наши бронежилеты сильно осложняет процесс. Лиенны такие же светловолосые и голубоглазые. Отличить от цзы'дарийцев их можно только по густым усам и бороде. Странно, но совсем не вижу в привязках

женщин. Будто лиеннок не существует. Забавно, если про цзы'дариек здесь думают так же.

Закапываюсь в один особо тугой узел, и где-то скребется на границе сознания догадка, что я на правильном пути. Кого не беру, привязка так или иначе добирается до Ритора, старшего сына родной сестры Таунда – Балии Светлой. Мальчику всего десять циклов, не должен он лично знать так много взрослых. Упитанный и серьезный, он не отходит от матери, помогая носить длинный шлейф платья. А за ним тянется паутина связей, уходящая так далеко к лиеннам, что не дотягивается даже Юрао.

Разведчик в отчете написал про него всего несколько слов: «седьмой в очереди наследования престола». Предпо-следний. Младше и дальше от Таунда только его брат Лурд, отсчитавший седьмой цикл. Кто обращает внимание на таких маленьких детей?

– Тиберий, – зовет Имари и почти счастливо мне улыбается.

У принцессы новая забавная игрушка, хитростью выпрошенная у отца.

– Да, Ваше Высочество.

– Зови меня Имари, – морщит она нос. – Руки друг другу пожали, тебе, может быть, от пуль меня закрывать придется, не хочу официальности. Пойдем в покои.

Эриданка царственно поднимает длинную юбку и спускается с возвышения, а я надеюсь, что фраза про пули не боль-

ше, чем шаблон доблестного телохранителя, вычитанный в книгах или высмотренный в телевизионной панели. Ирония настолько тонкая, что мальчик-цзы'дариец не должен обидеться.

Имари ведет меня в женское крыло дворца извилистыми коридорами для слуг. Вся суэта сейчас снаружи, а здесь только пустая упаковка, через которую принцесса перепрыгивает с детским задором. Выныриваем на этаж неожиданно, и меня в жар бросает. Под дверью в покои принцессы нервно прохаживается Наилий, а рядом подпирает спиной колонну сосредоточенный Рэм. Генерал решил поменять охранника? Нет, пожалуйста! Я справлюсь, я почти освоилась! Знаю, что опасно, но ближе, чем сейчас, я к королевским детям не подберусь.

– Переживаете, Наола? – улыбается принцесса, а Наилий от выброса адреналина сейчас, как ходячая терма, в которой полдня чистили апельсины. Только взгляд ледяной и колющий.

– Я могу поговорить со своим бойцом?

Приказывает, а не спрашивает разрешения. Имари теряется от напора и жесткости в его голосе. Наола, играющий колыбельную на дудуке, исчез, когда Рагнар ударил свою невесту. Мелодия изменилась.

– Конечно, – смущается принцесса и белой тенью скользит мимо Наилия в свои покои.

– Я говорил, это не случайно, – вступает майор. – Имари

заранее подговорила отца взять в охранники именно Тиберия. Иначе не ехидничала бы сейчас с этим: «Переживаете, Наола?»»

Генерала дергает до судороги. Он припирает меня к стене и нависает с высоты нашей разницы в росте. Харизма мерцает, выключаясь и появляясь снова, мешается с ароматом эдельвейса, но у меня и так голова плывет от волнения.

– Не меняй, пожалуйста, Тиберия на Рэма, – прошу его, не особо надеясь, что согласится. – Лучшего способа завести дружбу с принцессой не придумать. Хорошо, что так получилось...

– Это я тебя сдал, – шепчет Наилий, – разболтался, как сопляк без мозгов. Тиберий – сын моего друга... Ты идеальный заложник, а я дурак с генеральскими погонами.

Его паранойя заразна, и теперь уже мне кажется, что Таунд выбирал не самого слабого, а самого ценного. Бездна, мною же шантажировать можно! А ведь не эридане, не лиенны даже не представляют, кто я на самом деле.

– Нет, это случайность, – неумело вру и натянуто улыбаюсь. – Все хорошо будет. Я же не твой сын.

Наилий закрывает глаза и выпадает из реальности. Чувствует, что его дергает и насильно заставляет себя успокоиться. Не знаю, что мысленно говорит и представляет. Может, комнату в горном интернате с запахом жженого сандала и ровный голос мастера. И Таунд, и духи Истинные добиваются своего, расшатывая генерала. Не стала Вселенная изоб-

ретать что-то новое, ударила в едва зажившую рану страха за мою жизнь.

– Наилий, – спокойно говорит Рэм где-то рядом с нами. – Тиберий прав, удачно вышло, пусть отработает. Остий будет крутиться поблизости, я за монитором все увижу. Дай руку, рядовой.

Генерал возвращается, но разума в голубых глазах пока не больше, чем в куске льда. Я протягиваю безопаснику руку, и он быстро закатывает рубашку до локтя. Мазнув пальцем по сгибу, оставляет там крошечный радиомаяк. Теперь я тоже помечена и моргаю на мониторе зеленой точкой.

– Иди, – отпускает Наилий, – мы рядом. Я вообще через стену.

– Хорошо, – киваю в ответ и до дрожи в руках сдерживаю желание обнять его. Прощаемся кивками слишком медленно и долго, а потом я заступаю на дежурство в покоях принцессы.

Имари живет сразу в пяти комнатах, блистающих золотом и щекочущих ноздри ароматами цветов. Гостевые покои, где нас поселили, вполовину не так роскошны. Здесь страшно ходить по ковру, боязно садиться на кушетки и лучше не махать руками, чтобы не сбить с полок и подставок дорогущую безделушку. Принцесса родилась и выросла в музее, привыкла к постоянному вниманию и позволяла ухаживать за собой, как за ценным экспонатом. Молчаливые служанки расчесывают ей волосы, помогают одеваться и подносят

украшения на бархатных подушках. Имари управляет ими жестами, как дронами с пульта.

– Тиберий, а где ты хочешь спать? – игриво спрашивает Её Высочество, разглаживая ладонями шелк ночной сорочки.

– На посту не положено спать.

Имари оборачивается ко мне от огромного зеркала и удивленно поднимает брови.

– Совсем?

Я киваю в ответ на этот и каждый следующий вопрос.

– Никогда? Даже вздремнуть? Полклепсидрочки? Нет? Ужас какой! Ты же упадешь, как вы вообще на постах стоите целыми сутками?

– По очереди, – сообщаю очевидную мысль, и принцесса звонко смеется.

Служанки тоже улыбаются, переглядываясь. Наверное, не замечали никогда, что цзы'дарийцы в караулах меняются. Для них мы слишком одинаковые. Все на одно лицо. Зато в широких носах и пухлых губах соплеменников они явно найдут тысячу отличий. Имари щелкает пальцами, и девушки низко кланяются, уходя из покоев спиной вперед. Нельзя поворачиваться задом к коронованным особам, запомню.

– А тебя сильно накажут, если уснешь?

Принцесса с грацией черной пантеры подбирается ко мне, мягко ступая по толстому ковру босыми ногами. Стоит так близко, что я чувствую аромат розового масла и вытягиваю спину, намеренно глядя мимо неё четко в стену напротив.

– Два наряда вне очереди и клетка на сутки, если третий залет.

– Наряд, клетка, залет, – фыркает принцесса. – Что это?

Её волосы блестят, как черная смола. Имари наклоняется ниже, и пряди щекочут мне ухо. Совсем мужчин не боится или играет, вгоняя в краску неопытного мальчика?

– А что такое клепсидра? – чуть дрогнувшим голосом спрашиваю я.

Все равно не расскажу военных тонкостей. Фразу подслушала и запомнила как есть, без пояснений.

– Чудные вы, – улыбается она, заправляя прядь за ухо, – по-нашему говорите, будто выросли здесь, а таких простых вещей не знаете. Смотри. Да садись ты, не стой, как идол каменный.

Имари пальцем показывает, куда сесть, а потом чуть толкает в плечо для ускорения. Плюхаюсь на кушетку, жалея, что прикосновение слишком короткое, не разглядеть в таком энергетическом голоде ничего. Принцессу нужно разложить на привязки тщательно, раз при всей ненависти к отцу она сохранила на него влияние. Рэм не мог ошибиться, не просто так Имари охранника выбрала.

Эриданка достает из шкафчика узкий и длинный планшет, долго щелкает по кнопкам, а потом садится рядом и показывает экран.

– Такие раньше были клепсидры. Давно исчезли, но время мы до сих пор в них считаем. В сутках, как вы говорите,

девять клепсидр. На, смотри.

Толкает мне в руки планшет, и я от неожиданности чуть не роняю его на пол. Забавные клепсидры, на наши водяные часы похожи, только треугольные и внутри песок. Имари рассказывает о них, как гид-экскурсовод, называя даты, имена ученых изобретателей и показывает, как в итоге стали выглядеть часы. Вместо затейливых клепсидр – черные ромбы с цифрами. Даже обидно немного. А хорошее у неё образование, я бы вряд ли так подробно рассказала о наших часах, деньгах или боевых посохах.

– Спасибо, очень интересно.

– Правда? – радуется Имари. – А я думала скучно. Ты как мороженная рыба.

Принцесса передразнивает, поджимая губы и выпучивая глаза, и теперь я смеюсь.

– Извините, Имари

– Ну, вот, имя моё запомнил, уже что-то.

От эриданки тепло, как от светила, и столько радости, что не верится в навязанный брак, ссору с отцом и едва закончившуюся войну. Но будто помогая моим выводам, принцесса мрачнеет и задумывается, покусывая согнутый палец.

– Тяжело, наверное, одному на планете? Все другое, мы с ненавистью смотрим, генерал в строгости держит, имя отца нельзя опозорить неправильным поведением.

Имари гаснет, а я выпадаю из её очарования и замечаю сквозняк в комнате от климат-системы, слышу журчание во-

ды в декоративных фонтанах. Комната вдруг кажется пустой и нелепой со всей кучей бесполезного, но красивого барахла. Мы сами создаем свою реальность любимыми вещами, знакомствами, привычками. Живем внутри, как в скорлупе, пока однажды что-то не разбивает ее вдребезги.

– Это моя судьба, Имари. Я родился сыном генерала и знал, что на седьмом цикле меня заберут в училище, я его закончу, а потом буду летать по чужим планетам и всю жизнь стараться не разочаровать отца.

– Под маской, наверное, легко? – безжизненно спрашивает Имари, касаясь пальцем черной пряжи, закрывающей моё лицо. – Когда никто не знает, кто ты.

– Я знаю. Этого достаточно.

Она кивает сдержанно и заставляет себя улыбнуться:

– Ты интересный. Не такой, как ваши brave солдаты, из них слово не вытянешь. Остия я знаю, он часто у нас бывал, но от лысого мурашки по коже. Бррр, какой он неприятный. Убийца, наверное?

Обязательно. Рэм покрыт ритуальными татуировками гнарошей и явно в бою доказывал свое превосходство. Но я не хочу обсуждать его с хрупкой дариссой, едва отсчитавшей шестнадцатый цикл, хоть сама не намного старше. Стараюсь не думать, что значит война для наших мужчин.

– Он опытный боец.

– Понимаю. Охрана генерала. Элита. А если здесь что-нибудь случится, как на церемонии? Лиенны ведь в бронежи-

летах, а вы нет. Что тогда?

Волнение Имари так заразительно, что я слишком живо представляю расстрелянные тела и закрываю глаза.

– У нас есть медик. Он очень хороший хирург. Спасет.

Радость принцессы снова топит с головой, и она засыпает меня вопросами: «Как его зовут? Как выглядит?» Я называю имя и прикусываю язык, испугавшись допроса.

– Брось, Тиберий, мне же интересно посмотреть на вашу легенду, – ластится Имари, кокетливо барабаня пальцами по моему предплечью. – Врачей у нас боготворят, их имена известны всем, неужели у вас – военная тайна? Ну, хорошо, шепни хоть, как выглядит, я издалека посмотрю.

Без подсказки духов на голой интуиции чувствую подвох. Один заложник у эридан уже есть, решили второго взять? Или специально вывести нашего медика из строя? Паранойя хороша уже тем, что не дает расслабиться. Я напрягаюсь до боли в расправленных плечах и упрямо поджимаю губы.

– Хорошо, я сама угадаю, – говорит принцесса, – а ты просто кивнешь, ладно? Ой, перестань, не собираюсь я ему надоедать. Может, уже видела. Остия знаю, лысый опытный боец, остались двое. Оба кудрявые, но один старше, а другой моложе. Тот серьезный с серыми глазами и свирепым взглядом? Самый высокий из вас, верно?

Угадывает Публия с первой попытки. Труп из поколения Наилия и, правда, выглядит моложе. Тогда мальчишкам останавливали взросление раньше. К тому же снайпер, когда

не улыбается, все равно доволен жизнью, чего не скажешь о Публии. И да, военврач самый высокий.

Отпираться нет смысла, если понадобится – выкрадут обоих. Киваю, чувствуя себя предателем.

– Как здорово! – хлопает в ладоши принцесса и снова трогает за рукав. – И все-таки, куда ты спать ляжешь? На диван или кушетку?

– Здесь останусь.

– Договорились, – улыбается Имари и распрямляется пружиной, подсказывая с кушетки. – Ешь фрукты, не стесняйся, уборная за самой правой дверью. И помни, что я не генерал и никаких залетов на наряды тебе не сделаю. Спи, не бойся, а я к себе пойду.

Машет мне рукой и убегает, унося аромат розового масла. Обманчиво маленькая и несерьезная принцесса на фоне огромного дворца, где за каждой дверью кто-то шепчется и плетет заговоры. Взрослые играют в игры, и детям тоже хочется. Даже таким маленьким, как братья Ритор и Лурд.

Откидываюсь на спинку кушетки и пытаюсь вспомнить желтую вязь знакомств на сыновьях сестры короля, но сбиваюсь на третьей нити. Устала. Зря переживала, что не увижу привязок: эридане настолько эмоциональны, что я скоро начну ощущать запахи, как Эмпат. Вся раса моложе цзы'дарийцев, они прошли меньше перерождений и успели развиться только до звезд. Лиенны еще младше. Так и не выросли из пленок ремесленников. Правитель Рагнар среди них,

как взрослый, случайно забредший в детскую песочницу. Анализ делал еще Создатель, когда сидел в закрытом военном центре, я узнала его выкладки и речевые обороты в недрах отчета по планете. Красиво зашифровал уровнем развития цивилизации, но любой мудрец, прочитав, поймет в привычных нам терминах.

Звездность эридан пропитывает королевский дворец показной роскошью и неразумными излишествами, доведенными до абсурда вроде золотой сантехники. Власть наших генералов держится на их силе больше, чем на звании, а власть Таунда на деньгах. И это должно быть очевидно с первого взгляда всем, кто появляется во дворце. Звезды тоже могут править, но весьма своеобразно. У Таунда нет агрессивной харизмы, иначе я бы почувствовала её. Кто-то из его далеких предков родился, как Рагнар, правителем, захватил власть, а потом передавал её по наследству, не заботясь, справится сын с королевством или нет. Потому что рядом, как поплавки, всплывали правители-советники. Они всегда добивались до власти. Пусть из-за спины и чужими руками, но подхватывали королевство, удерживая иллюзию преемственности. Она – тот самый цемент в фундаменте системы.

Остий помечал в отчете таких настоящих управленцев, и мне только обилие запахов на церемонии встречи гостей мешало поймать их харизму. Жженую резину Рагнара нашла сразу, но остальные легко тонули в естественном фоне. Разведчик не заметил или специально пропустил еще одного

правителя в свите Таунда – Имари.

Иронично со стороны Вселенной послать королевской семье первого за очень долгое время наследника, способного править самостоятельно. И сделать его женщиной, которую отец насильно выдает замуж и высылает из страны.

Устранить Таунда, посадить на трон Имари и с ней заключить договор? Есть такой вариант в отчете Остия, а к нему приписка, что по закону наследования принцесса неполноценна. Женщина не может занять трон Эридана, туда посадят её мужа. А это или Рагнар, или кто-то из советников, а все они враждебны к цзы'дарийцам.

Тру пальцами глаза и понимаю, что в задумчивости уже растеклась по кушетке, а в окна давно ярким прожектором бьет свет ночного спутника планеты. Спать придется, не раздеваясь и в маске. К утру она съедет прорезями на затылок и служанки разбудят меня ехидным хихиканьем.

А за стеной на необычно огромной для цзы'дарийца кровати спит Наилий. Кондиционер на ночь выключен, чтобы не шумел. Там уже жарко, генерал раздет до белья и едва прикрыт простыней. Такие же серебристые лучи спутника блещут в волосах, скользят по бледной коже и красивому рельефу мышц. Наилий расслаблен, но стоит нырнуть к нему, прижаться, почувствовать, какой восхитительно теплый во сне, и тут же окажусь под ним. Придавит к кровати весом своего тела и не отпустит.

Бездна, будь Тиберий мужчиной, давно бы мучился с

эрекцией. Я тоже страдаю, но по-своему. Сладко ноет низ живота и хочется плотно сжать ноги или погладить себя рукой. Почувствовать влагу под пальцами и замереть в предвкушении близости. Проклятье, с ума схожу! Да катится в бездну весь Эридан с его и нашими секретами!

Тенью срываюсь с кушетки и бросаюсь к стене. Где-то здесь под складками штор потайная дверь. Осталось сдвинуть её в сторону и нырнуть в спальню генерала. Слишком шумно или внезапно, но он просыпается, ломая мою фантазию. Есть серебристый свет, обнаженный торс, но вместо безмятежности спящего – тревожная складка на переносице и тихий вопрос:

– Что случилось?

Редко сама требую близости и сейчас теряю пыл. Разбудила среди ночи, нарушаю конспирацию, но знать не знаю, куда деть желание. Не объясню словами, срываю маску и тянусь к пуговицам рубашки. В спальне жарко, кондиционер молчит, а когда Наилий поднимается с постели на нем даже белья нет.

– Соскучилась, – говорю едва слышно, не в силах оторваться от сбывшегося видения.

Генерал помогает раздеваться, легко и быстро выпутывая мои руки из рукавов рубашки и сбрасывая на пол легкие штаны.

– Зачем грудь забинтовала?

– Увидит кто-нибудь...

Один виток долой...

— ...догадается, что женщина.

Второй, третий. Роняю бинт, чувствуя губы Наилия на коже и влажное прикосновение языка. Генерал ласкает освобожденную грудь так медленно и томительно, что я зубы стискиваю, чтобы не застонать. Ни звука, ни единого повода кому-нибудь услышать и ворваться с вопросами.

Наилий легко подхватывает на руки и несет к кровати. Падаю на простыни, растворяясь в контрасте прохладной ткани и его разгоряченного тела. Генерал разводит мои колени и тянет за бедра к себе ближе. Все-таки зажимаю рот, чтобы не закричать, когда входит медленно, но настойчиво и я не успеваю привыкнуть к ощущению наполненности. Тело отзывается позже, первой давая боль и лишь потом наслаждение. Будь он чуть меньше, стало бы легче, но нет. Весь мой.

От поцелуев не хватает воздуха, выгибаюсь под генералом, обхватывая ногами за спину и чувствую, как падают его барьеры. Тело наливается тяжестью, движения становятся отрывистыми, а поцелуи едва не превращаются в укусы. На адреналине, как под Шуи, Наилию нужно больше и сильнее, но сегодня я сама прошу: «Еще. Еще».

Страсть граничит с безумием, стонов чудом не слышно, только биение двух сердец и прерывистое дыхание. Жар поглощает меня, двигаюсь навстречу Наилию и держу сумасшедший ритм. Ощущение легкости уносит из реальности, а предчувствие взрыва нарастает с каждым толчком. Сжима-

юсь пружиной, чувствую, как по телу идет судорога, а потом вспышка. Не выдержать молча, не оставить внутри. Впиваюсь ногтями в плечи генерала, а он запечатывает мой крик поцелуем, и мы гаснем оба.

Пульсация во мне умиротворяет. Не отпускаю, пока Наиль не отдаст себя до последней капли, и только потом позволяю рухнуть рядом на кровать.

– Устал? – веду пальцем по дорожке пота на висках. – Здесь, как в терме... Нужно кондиционер включить.

С трудом говорю, задыхаюсь, и он не может связно ответить. Зато перекачивается на край кровати и поднимает с пола пульт. С недовольным писком потолочный монстр включается и дует на нас ледяным воздухом. Насладиться не успеваю, генерал плотно укутывает одеялом.

– Нет...

– Простынешь.

Забавный. Сам голый лежит поверх одеяла и не обращает внимания на сквозняк.

– Я знаю, что сейчас не вовремя, но должен сказать.

Нехороший тон, какой-то извиняющийся. Ежусь от дурного предчувствия и вглядываюсь в ставшего серьезным генерала.

– Мы в такой спешке улетали, я не успел поставить временную стерилизацию. Ты ведь с барьером?

Кровь бросается в голову так стремительно, что немеют пальцы ног. Новость сразу не переварить. Из всего, о чем

могла подумать, первым вспоминаю сон про черную бабочку и младенца у груди.

– С барьером нельзя на телепортацию, – язык почти не подчиняется, коверкая слова. – Публий сказал, что ты полетишь стерильным. Инструкция.

– Инструкция, – хмыкает генерал и отчаянно трет ладонями лицо. – Сколько раз он её нарушал? Я со счета сбился.

Ерзаю в коконе из одеяла и снова пытаюсь осмыслить. Я могу забеременеть. Вот прямо сейчас. Ничего не мешает.

– Не паникуй, – хмурится Наилий, – с первого раза может и не получится.

Жаль, я не умею заглядывать в себя и раскладывать все по полочкам. Чтобы понять сразу, что за волна тепла поднимается от живота. Почему губы растягиваются в улыбке, и хочется обнять любимого мужчину.

– Не с первого, так со второго или третьего, пятого, десятого, но получится.

Генерал поднимается на локте и замирает, разглядывая мою улыбку. Спрашивает так осторожно, словно боится спугнуть:

– Ты хочешь?

– Да.

Все-таки обнимаю такого напряженного и натянутого, как струна. Глажу по волосам и шепчу:

– Хорошо бы сразу двоих. Мальчика и девочку, чтобы не гадать, кого хочется первым.

– Как получится, – смеется генерал и падает обратно на кровать, а я укладываюсь к нему на грудь.

Рано еще выбирать имя, думать, где будем жить и как прятаться. Успею сломать голову. Пусть сейчас будет просто хорошо.

Глава 7. Городской рынок

От Балии Светлой издалека разит тьмой. Глубокой, ночной, бездушной тьмой пустого космоса. Сестра короля холоднее Наилия, когда он не в духе, говорит медленно и смотрит свысока даже на рослую Имари.

– Потрудитесь объяснить, Ваше Высочество, с каких пор эриданской принцессе разрешено позорить семью?

Запоздалое нравоучение и явно не из тех уст. Если вчера Таунд ни слова не сказал дочери, то воспитательный порыв тетюшки тем более никого не интересовал. Балия пришла в покои племянницы ранним утром, разбудив меня на кушетке, и не самым высоким слогом потребовала убраться. На шум выбежала Имари, запахивая на груди халат и пульсируя черной привязкой ненависти так, что мне хотелось громко звать Наилия на помощь.

– Семья продала меня чудовищу, – шипит принцесса, – и я буду защищаться...

– Это твой будущий муж, – объявляет Балия, как приговор зачитывает. – Ты глаз должна не поднимать от пола и отвечать «да» на все, что он скажет, а не спать в одних покоях с другим мужчиной.

Уши горят, стоит сообразить, как моё присутствие выглядит для свиты со стороны, но ведь раньше цзы'дарийцы охра-

няли дворец, что сейчас глобально не так?

Имари шумно дышит, сложив руки на груди. Скоро придут служанки и застанут отвратительную сцену скандала, хотя женщины не кричат.

– Мы спали в разных комнатах, нэлла Балия. Если вы не можете удержаться ни от одного крепкого мужского объятия...

Тетушка замахивается ударить племянницу, но в последний момент замирает, обернувшись на меня.

– Твой жених настаивает на церемонии демонстрации чистоты, Его Величество не смог отговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.